И. Н. Литвинчук

ЭМОТИВНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЁ ЭКСПЛИЦИРОВАНИЯ В УЧЕБНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

УДК 81.1
ББК 80; 81
Л64

Автор монографии: Литвинчук Ирина Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и культуры речи, институт «Институт филологии», ФГАО ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского» (Республика Крым, г. Симферополь)

Рецензенты:
Дорофеев Юрий Владимирович, проректор по научной работе ГБОУ ДПО Республики Крым «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», доктор филологических наук, доцент
Егорова Людмила Геннадьевна, заведующая кафедрой журналистики ГБОУ ВО Республики Крым «Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова», доктор филологических наук, доцент

Литвинчук И.Н.
Л64 **Эмотивность и способы её эксплицирования в учебно-экспериментальном дискурсе** : монография / И.Н. Литвинчук; ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского» – Самара: Поволжская научная корпорация, 2025. – 104 с.

В монографии «Эмотивность и способы её эксплицирования в учебно-экспериментальном дискурсе» представлены психолингвистический и социолингвистический подходы к проблеме выражения эмотивной семантики. Рассматриваются средства выражения эмотивности на различных уровнях языка и речи. Описан опыт междисциплинарной интерпретации эмотивных художественных текстов в учебно-экспериментальном дискурсе. Монография предназначена исследователям, преподавателям, аспирантам, магистрантам, а также широким слоям читательской аудитории, интересующимся теоретико-методологическими подходами, междисциплинарными основами и практическими результатами современных исследований в области изучения средств выражения эмотивности и способах её эксплицирования в учебно-экспериментальном дискурсе. Рекомендовано Ученым советом Института филологии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского».

Рекомендовано Ученым советом института «Институт филологии» ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского»

ISBN 978-5-6053734-6-9

© И.Н. Литвинчук, 2025
© ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ СЕМАНТИКИ 7
О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА И РЕЧИ 12
Средства выражения эмотивности на фонетическом уровне 12
Интонационные и акцентологические особенности выражения эмотивной семантики 13
О лексических средствах выражения эмотивности 15
О некоторых морфологических способах трансляции эмотивной семантики 20
Синтаксические средства выражения эмотивности 22
Эмотивный текст и его конструкты 26
ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОТИВНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В УЧЕБНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ 32
Импликация эмотивной семантики с негативным оценочным модусом в рамках экспрессивно-образной системы текста 35
Способы и приемы авторского имплицирования условно позитивной эмотивной семантики в художественном тексте 44
Междисциплинарный анализ художественного текста с эксплицитным выражением негативной эмотивной семантики 57
Интерпретация образной системы художественного текста в аспекте эксплицирования позитивной эмотивной семантики 71
ЛИТЕРАТУРА 88

ВВЕДЕНИЕ

Выражение семантики эмотивности в русском языке является сложным и многоуровневым процессом, который включает в себя выбор субъектом речевой деятельности лексических единиц, вариантов интонации, жестовых и мимических паттернов поведения и других языковых и паралингвистических средств. Результаты изучения эмотивных ресурсов языка и речи актуальны для таких направлений современной науки, как педагогика, педагогическая психология, методика преподавания филологических дисциплин и имеют непосредственное практическое применение, поскольку помогают преподавателям и обучающимся лучше понимать и интерпретировать эмоциональную информацию в различных коммуникативных ситуациях.

Аспекты изучения средств выражения эмотивности многогранны и обусловлены тем, что эмотивная семантика проявляется на различных уровнях языка и речи. Так, одним из ключевых средств выражения эмотивности в русском языке является использование интонации. Мелодика речи, изменение высоты, силы и интонационной окраски звуков в потоке речи позволяют передать эмоциональное состояние говорящего. Кроме того, важную роль в выражении эмотивности играют лексические и морфолого-синтаксические языковые средства. Оттенки значения слов, использование эмоционально окрашенных слов и фраз, а также умение правильно подбирать лексику в зависимости от контекста, способствуют эмоциональной выразительности речи.

Обращение к такому направлению исследований, как средства выражения эмотивности в соответствии с уровнями языка, подразумевает системный анализ методов и механизмов использования языка для передачи чувств, эмоций и оттенков значения. В работах Джорджа Лакоффа и Марка Джонсона [60], Анны Вежбицкой [17], Конрада Изарда [35], Дэвида Майерса [75], Бориса Ивановича Додонова [28], Льва Семеновича Выготского [19], Алексея Николаевича Леонтьева [64], Дмитрия

Алексеевича Леонтьева [65] подчеркивается значимость влияния эмоций на процесс коммуникации и восприятие информации.

Авторы современных зарубежных работ в области психолого-педагогических подходов к преподаванию филологических дисциплин уделяют особое внимание проблеме влияния культурных особенностей на восприятие и выражение эмоций через язык. Это актуальные исследования, которые включает в себя анализ влияния культурных факторов на восприятие и выражение эмоций на языковом уровне. Так, в работе Я. Бракеля рассматриваются культурно-перспективные аспекты эмоций в обучении и изучении иностранных языков. Автор обсуждает влияние культурных различий на выражение и восприятие эмоций в языковом обучении, а также предлагает стратегии для учета этих особенностей в преподавании иностранных языков. В работе подчеркивается важность понимания культурных контекстов для эффективного обучения иностранным языкам и делается акцент на необходимости включения культурно адаптированных подходов в преподавательскую практику [147].

В статье Дж. Ричардса основное внимание уделяется изучению культурных аспектов при преподавании иностранных языков с учетом особенностей выражения эмоций через язык [149]. Автор предлагает практические рекомендации по интеграции культурных элементов в учебный процесс. Коллектив авторов в составе К. Шао, А. Пекран и Л. Николсон рассматривают роль эмоций в языковом обучении и подчеркивает влияние разноплановых культурных различий на восприятие и выражение чувств через язык [151].

На лексическом уровне языка средства выражения эмотивности включают в себя использование эмоционально окрашенных слов, олицетворений, метафор и других стилистических приемов [11]. Некоторые авторы рассматривают влияние культурных и социальных факторов на выбор средств для выражения эмоций [48]. На синтаксическом уровне средства выражения эмотивности могут проявляться через построение

предложений с определенной интонацией, использование восклицательных и вопросительных конструкций, выбор морфолого-синтаксических конструкций с определенными видами эмотивных предикатов [68], формирование различных структур эмотивного текста [70; 80].

Интересные исследования также проводятся в области семантики и прагматики, где изучается влияние контекста и ситуации на эмоциональную окраску высказывания. Некоторые исследователи, например, О. В. Куликова, подчеркивают важность адекватного понимания и интерпретации эмоциональной составляющей языка и речи для успешного общения [57].

Таким образом, изучение средств выражения эмотивности в соответствии с уровнями системы языка представляет собой многогранный и интересный аспект лингвистической науки, позволяющий понять, как язык используется для передачи чувств и эмоций. Среди прикладных подходов к проблеме эмотивности в рамках учебного дискурса выделяется методика использования эмоционально-коммуникативных упражнений в учебном процессе [4; 21; 22; 23; 37]. Такие упражнения позволяют обучающимся на разных этапах освоения русского языка как иностранного лучше понять и выразить свои эмоции, что способствует их более глубокому вовлечению в процесс обучения [1].

В научных источниках, авторами которых являются современные отечественные авторы, обсуждается важность учета культурных особенностей в контексте эмотивности языка и речи при преподавании русского языка иностранным обучающимся [14; 38; 61]. Так, научная работа Н. А. Багдасаровой посвящена проблеме лексического выражения эмоций в контексте разных культур [9]. Понимание культурных различий и нюансов в выражении эмоций позволяет более эффективно обучать студентов использованию языка в соответствии с различными культурными контекстами [84; 77; 94].

Для формирования социокультурной компетенции обучающихся в процесс изучения языка включается лингвострановедческий компонент, при котором эмотивные лексические единицы, номинирующие факты культуры и географии, понимаются как реалии. «Устойчивые лексические единицы, имеющиеся в словарном составе каждого языка, представляют собой особую группу национальных языковых реалий, поскольку они, являясь компонентном национальной культуры народа, имеют особую семантическую структуру» [111, с. 152].

ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОДЫ К ПРОБЛЕМЕ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОЙ СЕМАНТИКИ

Одним из ключевых теоретико-практических направлений изучения феномена эмотивности языка и речи является *психолингвистический подход* [23; 38; 69], который анализирует взаимосвязь между эмоциями и языковыми явлениями. Психолингвистический подход помогает выявить, как эмотивная семантика выражается в языке и как она влияет на восприятие и понимание коммуникации. Так, в работах Е. В. Галеевой и И. А. Галкиной представлены результаты психолингвистического исследования различных аспектов вербализации эмоций посредством эмотивной лексики [24].

В контексте психолингвистического подхода эмотивность рассматривается как важный аспект языковой деятельности, который отражает эмоциональный опыт говорящего. Усилия современных специалистов в области психолингвистики направлены на исследование того, какие лингвистические единицы и структуры используются для выражения эмоций и как эти выражения воздействуют на восприятие и интерпретацию сообщения.

Хотя по своей психофизиологический сути эмоция невербальна, но, как было отмечено ранее, в психолингвистике и когнитивной лингвистике используется понятие «эмотивность», которая понимается как

«характеристика языковых средств, употребляемых для кодифицированного выражения эмоций в речевом общении и способных произвести эмоциональный эффект на реципиента» [129, с. 321]. Эмотивность в языке проявляется через интонацию, отражается в эмотивной лексике и присутствует в лексических единицах вторичной номинации: 1) «свинья» – животное; 2) вторичная номинация, обладающая некоторыми признаками свиньи. В. И. Шаховский [129] и Л. Г. Бабенко [6] полагают, что на языковом уровне эмоции приобретают лингвистическое выражение и позже воспроизводятся через эмотивную лексику. Следует отметить, что вербализуются в тексте не все эмоции, транслируемые из эмоциональной сферы субъекта речевой деятельности, а только некоторые. К тому же вербализованная эмоция не полностью адекватна своему эмоциональному прототипу, авторскому замыслу [127, с. 120]. При употреблении таких слов, как «смерть» или «смех», мы не смеёмся и не умираем, а лишь обозначаем или описываем данные состояния. Говоря «смеяться до слез» или «дать дуба», мы передаем свое чувство-отношение к обозначаемым понятиям [3, с. 73]. Одни исследователи, например, В. И. Шаховский, предпочитают делать разграничение лексических единиц, которые называет эмоции, и лексики, которая выражает эмоции, другие – полагают, что все слова, так или иначе обозначающие эмоции, относятся к эмотивной лексике [6].

Эмотивный компонент, представляющий результат отражения чувств, эмоций и эмоциональных состояний в слове при их семантизации и вербализации [7, с. 224], реализуется через эмоциональный тип речевых актов, происходящих в процессе общения, чтобы выразить индивидуальную эмоциональную оценку субъектом речи объектов мира. В данном случае эмоции отражают значения предметов для говорящего, а не объективные качества. Эмоции сознательно демонстрируются языком, имитируются, провоцируются говорящими, они семантизируются и вербализируются языком и в языке. Это позволяет говорить об эмоциях и выражать их.

Отсюда следует, что вышеупомянутые эмоциональные реакции носят социально закрепленный характер и проецируются на семантику лексических единиц, соотносящихся с этими понятиями. Иначе говоря, каждый вид эмоций входит в определенную лексико-семантическую группу и на уровне языка имеет свой референт.

Одним из ключевых вопросов, которые рассматриваются в современных исследованиях, является изучение лексических, синтаксических и семантических признаков, характеризующих эмоциональное выражение в языке. Кроме того, психолингвисты исследуют влияние культурных и индивидуальных особенностей на способы выражения эмоций в языке и их восприятие [21].

Таким образом, психолингвистический подход к проблеме выражения и описания эмотивности в современных научных исследованиях важен для понимания того, как эмоции могут быть переданы и восприняты посредством языка [12]. Попытки расширить знания в этой области способны привести к разработке новых методов анализа и интерпретации языковых данных с учетом эмоциональной составляющей, что имеет значение не только для психолингвистики, но и для общего понимания человеческого языка и мышления.

Социолингвистический подход представляет собой междисциплинарный подход к изучению языка, который сочетает в себе методы лингвистики, социологии и антропологии. Он призван исследовать язык как социокультурное явление, взаимодействие языка и общества, а также влияние социокультурных факторов на языковую деятельность.

Одним из важных аспектов социолингвистического подхода является анализ выражения и описания эмотивности в языке. В современных научных исследованиях все более широкое внимание уделяется изучению способов выражения эмотивности и их социокультурной детерминированности [8].

Социолингвистический подход к проблеме выражения и описания эмотивности включает в себя изучение языковых и речевых средств, которые могут служить для передачи эмоциональной окраски высказываний различными субъектами речевой деятельности, характеристики которых детерминированы их социально-культурной, психотипической, гендерной принадлежностью [130]. Другим важным аспектом социолингвистического анализа эмотивности является изучение социокультурного контекста, в котором происходит языковое взаимодействие. Такие социокультурные факторы, как возраст, пол, социальный статус или культурные традиции, могут оказывать существенное влияние на то, как эмотивность выражается и воспринимается коммуникантами [17].

Итак, современные социолингвистические исследования, связанные с феноменом эмотивности и использованием эмотивных языковых и речевых средств в обучении и преподавании русского языка, включают целый ряд перспективных направлений, целей и задач, среди которых явно выделяются нижеперечисленные.

1. Изучение социокультурных особенностей трансляции эмотвной семантики: одной из целей таких исследований может быть выявление функции эмотивных выражений в русском языке с учетом социокультурного контекста. Это, например, анализ того, какие эмоции и какие соответствующие им выражения предпочитают русскоговорящие субъекты речевой деятельности в различных обстоятельствах.

2. Разработка аутентичных методик обучения: исследования могут быть направлены на изучение того, каким образом эмотивные средства языка влияют на процессы обучения инофонов русскому языку. Разработка специальных учебных материалов и методик для эффективного обучения «эмотивному измерению языка» [9] может быть одной из актуальных задач в этом направлении исследований.

3. Анализ взаимосвязи между языковыми средствами и особенностями эмоциональных реакций субъектов речевой деятельности: такие исследования могут быть направлены на выявление связи между использованием эмотивных средств языка и возникновением определенных эмоций у изучающих язык. В этом аспекте актуальным является вопрос о том, какие конкретные выражения способствуют стимулированию положительных или отрицательных эмоций у реципиентов речевых стимулов.

4. Исследование роли отдельных эмоций в коммуникации: в этом аспекте социолингвистические исследования могут быть направлены на анализ влияния эмотивных характеристик текста на эффективность коммуникации в обучении русскому языку (например, как эмоциональная окраска речи влияет на понимание и восприятие речи носителя языка инофонами).

5. Исследование способов адаптации обучающихся к эмотивным выражениям: в данном аспекте перспективным направлением исследований может быть изучение того, какие стратегии и методы используют иностранцы для интеграции эмотивных языковых и речевых средств в свою речь и общение на русском языке.

Примеры конкретных исследований в рамках этих направлений могут включать анализ эмоционального содержания русской литературы для разработки учебных материалов, эксперименты по изучению воздействия эмотивной речи на понимание иностранцами русского языка, а также интервью и анкеты для выявления особенностей восприятия иностранцами специфических черт эмоциональной окраски русской речи. Таким образом, социолингвистический подход к проблеме выражения и описания эмотивности в современных научных исследованиях позволяет расширить научное понимание языкового поведения и его социокультурной детерминированности. Дальнейшие исследования в этой области способны

привести к новым открытиям и более глубокому пониманию роли языка в выражении эмоций и отношений в современном обществе.

О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ НА РАЗЛИЧНЫХ УРОВНЯХ ЯЗЫКА И РЕЧИ

Средства выражения эмотивности на фонетическом уровне

На уровне фонетики и фонологии средства выражения эмотивности включают в себя изменения в интонации, темпе речи и громкости звучания. Очень часто такие звуковые характеристики отражают эмоциональное состояние говорящего и влияют на восприятие высказывания.

Область исследований, посвященная использованию фонетических и фонологических средств для выражения эмотивности в языке и речи, представляет собой важный аспект лингвистической науки. Современная научная литература представляет различные актуальные исследования на эту тему [140; 145; 146], обогащающие наши знания о том, как вариации фонем и особенности изменения интонации могут влиять на восприятие и передачу эмоциональной информации субъектами речи в различных коммуникативных ситуациях.

Одним из ключевых аспектов фонетической экспрессии эмотивности является изучение межзвуковых интервалов, интонаций и скорости речи. Ряд работ показывает, как изменения в темпе, ритме и тоне произношения могут сигнализировать о различных эмоциональных состояниях говорящего [142]. Это подтверждает гипотезу о том, что человеческий мозг способен автоматически распознавать эмоциональные нюансы через аудиовизуальные параметры речи [143; 144].

Так, в исследовании Т. Моррелл и А. Рингвальд [148] обнаружено, что межзвуковые интервалы в речи могут варьировать в зависимости от выражаемой эмоции. Например, при передаче радости или восторга, межзвуковые интервалы могут быть более широкими и интенсивными, в то

время как при передаче грусти или уныния межзвуковые интервалы чаще всего суженные и менее выразительные.

Другие исследования показывают, что важную роль в выражении эмотивности играют не только самые высокие и низкие ноты в речи, но и их комбинация в различных межзвуковых интервалах [141]. Кроме того, исследования в области фонетики и фонологии также обращают внимание на использование специфических звуков и интонаций для передачи определенных эмоциональных оттенков. Например, высота тона, интонационные контуры и длительность звуков могут играть ключевую роль в передаче эмоциональной окраски высказывания [34].

Таким образом, современная научная литература по фонетическим средствам выражения эмотивности представляет ценный ресурс для изучения механизмов коммуникации, связанных с передачей чувств и эмоций через звуковые сигналы. Дальнейшие исследования в этой области способны помочь не только лингвистам, но и специалистам в области психологии и коммуникации лучше понять, как звуковые стимулы влияют на наше эмоциональное восприятие и взаимодействие.

Интонационные и акцентологические особенности выражения эмотивной семантики

Изучение особенностей интонации и ударения играет важную роль в передаче эмотивной семантики языковых единиц в процессе изучения и преподавания русского языка [103; 129]. Исследования отечественных и зарубежных авторов посвящены влиянию интонационной выразительности и правильного употребления акцентов на понимание обучающимися чувственно-эмоциональных особенностей русского языка [37; 46; 119].

В различных исследованиях, посвященных проблемам изучения русского языка как иностранного, подчеркивается, что правильное использование интонации и акцентов в русском языке не только помогает

обучающимся лучше интерпретировать эмоциональные состояния, но и способствует более эффективному обучению языку в целом [101].

В диссертации Л. Э. Лузиковой исследовательское внимание сосредоточено на способах обучения корректному использованию интонации и акцентов для передачи различных эмоциональных состояний. Автор подчеркивает важность учета этих аспектов в контексте реальных коммуникативных ситуаций, чтобы студенты обрели навык адекватно выражать свои чувства и эмоции на русском языке [73].

Ударение является одной из ключевых характеристик русского языка и играет важную роль в его произношении и понимании. Для иностранцев, изучающих русский язык, правильное ударение в словах может быть сложной, эмоционально напряженной задачей. Первоначальное понимание и запоминание ударения в русском языке требует от инофона ощутимого усилия, так как в русском языке ударение может быть на любом слоге слова, и неправильное ударение может привести к искажению его смысла и неверной интерпретации контекста в целом. Особенно это актуально в аспекте различения омонимов: например, «зАмок» и «замОк» имеют разный смысл и разное ударение, что может привести к недопониманию при общении.

Важным средством выражения эмотивности является также использование таких средств, как повышение или понижение тона, изменение скорости речи и громкости. Эти интонационные элементы помогают передать эмоциональные оттенки высказывания.

Важность правильного ударения в словах русского языка для инофонов проявляется в повседневной коммуникации, обучении и в создании профессиональных текстов. Неправильное ударение затрудняет понимание и приводит к серьезным осложнениям в общении, формированию коммуникативных барьеров [101].

О лексических средствах выражения эмотивности

Одним из важных исследований в этой области является изучение влияния эмоций и чувств на процесс обучения иностранному языку [2] в аспекте полноценного овладения его лексикой. Было установлено, что использование эмоционально окрашенной лексики и фразеологии способствует более глубокому запоминанию и пониманию материала иностранными обучающимися, а также повышает их учебную мотивацию [22].

Обзор научной литературы по такому направлению, как использование лексики и фразеологии для выражения эмоций и чувств в курсе преподавания иностранного языка, ориентирован на исследование нескольких ключевых аспектов изучения этой проблематики. Поскольку одним из принципов обучения эмотивной лексике можно считать принцип положительного эмоционального фона обучения, следовательно, намеренное использование различных эмоциональных ситуаций при работе с новой иноязычной эмотивной лексикой (предтекстовая работа) оказывается важным методическим приемом в обучении [29]. Вторым, не менее важным, принципом, который ориентирован на эффективное овладение языковыми единицами, вербализующими эмоции, является так называемый принцип комплексной интерпретации концептосферы эмоций носителей определенного языка и культуры, под которой понимается «совокупность эмоциональных концептов» [54, с. 6]. Изучение иностранными обучающимися средств-репрезентантов эмоций позволяет снизить возможные затруднения в межкультурном общении, поскольку намеренное формирование эмотивной компетенции способствует дальнейшему развитию эмпатии в ситуациях речевого взаимодействия. Это может быть достигнуто посредством целенаправленного обучения контекстуальному использованию лексических единиц, содержащих в семантической структуре эмотивный компонент, и интонационных средств, способствующих передаче эмоций субъектов речевой деятельности.

В различных исследованиях подчеркивается значимость обучения иностранному языку через такие эмоциональные аспекты, как выражение чувств, эмоциональная активность и эмпатия [5; 70]. Согласно этим исследованиям, использование эмоционально окрашенной лексики способствует более эффективному обучению иностранному языку [51].

Эмотивная лексика русского языка играет важную роль не только в повседневном общении, но и в учебном процессе. Эти слова и выражения, выражая эмоции и чувства говорящего, способны влиять на реципиентов, вызывая у них определенные реакции. В прагматическом аспекте эмотивная лексика помогает уточнять оттенки эмоциональной окраски высказывания, делая его более живым и выразительным. С помощью таких лексических единиц, как «радость», «горе», «восторг», субъект речи может более точно передать свои эмоции и чувства, делая общение более наглядным и эмоционально насыщенным. Слова, обладающие эмоциональной окраской, способны помочь обучающимся лучше запомнить материал, так как эмоции усиливают процесс запоминания. Кроме того, использование эмотивной лексики в учебных материалах может сделать их более увлекательными, заинтересовать обучающихся и способствовать их более активному вовлечению в учебный процесс.

Анализируя различные научные работы по методике преподавания русского языка как иностранного, можно отметить, что лексические средства выражения эмотивности играют значительную роль в формировании эмоциональной выразительности и коммуникативных навыков у иностранных студентов на разных этапах и уровнях обучения РКИ [2; 67; 88]. Исследования показывают, что использование эмоционально окрашенных слов и выражений способствует более глубокому пониманию русской культуры и менталитета [13], а также помогает инофонам эффективнее общаться в повседневной жизни и деловых ситуациях. Некоторые исследования сосредоточены на методах преподавания лексики с ярко выраженной эмотивностью, включая игровые

техники, ролевые игры и ситуативные упражнения [1; 2]. Эти методики способствуют лучшему усвоению лексики и помогают студентам эмоционально вовлечься в процесс обучения. Важно также отметить, что индивидуальные особенности студентов, их культурный фон и опыт могут существенно влиять на эффективность использования языковых, и в том числе лексических, средств выражения эмотивности в обучении.

Важность изучения эмотивной лексики обусловлена и тем фактом, что в целом процессы присвоения имен эмоциям довольно сложны. Так, по наблюдениям Б. И. Додонова, в разговорной практике мы часто употребляем одно и то же слово для обозначения разных переживаний, так что их истинная природа становится ясной только из контекста [28, с.156]. Между тем семантика определенной эмоции может быть отражена в различных лексемах.

А. Вежбицкая утверждает, что эмоции невозможно идентифицировать без помощи слов, а слова принадлежат к одной конкретной культуре и несут в себе определенную точку зрения. Если кто-то хочет утверждать, что существуют врожденные и универсальные когнитивные сценарии, играющие особую роль в эмоциональной жизни всех людей, то, по мнению автора, такие сценарии следует выявлять с помощью лексических универсалий [17, с. 83].

Н. А. Багдасарова, изучая лексическое выражение эмоций в контексте различных культур, предложила следующую краткую характеристику этой группы фундаментальных эмоций: радость, удивление, интерес / возбуждение, горе / страдание, презрение, страх, стыд, отвращение, вина [9, с. 99].

Рассматривая ряд лингвистических исследований, можно отметить, что лексический состав языка состоит из двух типов слов, которые так или иначе передают эмоции человека, а также их проявления. Так, В. Г. Гак классифицирует эти два типа как лексику, выражающую эмоции, и лексику, сообщающую о них [20, с. 13]. В то же время В. И. Шаховский

разграничивает их как собственно эмотивную лексику и лексику эмоций [130]. Таким образом, опираясь на исследования лингвистов, можно выделить следующую классификацию: прямые средства – это собственно эмотивная лексика, а косвенные – лексика эмоций [5; 9].

Основываясь на исследованиях В. И. Шаховского [127], Л. Г. Бабенко выделяет также две группы [7]: первая – это совокупность слов с эмотивной семантикой в статусе значения (слова-аффективы, передающие эмоциональное состояние говорящего – бранная лексика, междометия и междометные слова), а также лексика в статусе созначения, или коннотации. [12, с. 115].

Как отмечает Е. В. Мерзлякова, «проблема семантизации лексики в процессе обучения русскому языку остаётся насущной и широко обсуждаемой методической проблемой» [83, с. 73]. Автор делает акцент на том, что эмотивная лексика представлена словами различных частей речи: существительными (абстрактными), глаголами, прилагательными. Так, функционально-семантический класс глаголов эмоциональной деятельности составляют предикаты двух типов:

1. собственно глаголы чувств, которые реализуют свою основную номинативную функцию в тексте и воздействуют на контекст (это, например, глаголы *любить, страдать, горевать, тосковать, скучать*);

2. функционально-текстовые глаголы, тяготеющие по основному значению к разным лексико-семантическим группам слов, они участвуют в передаче эмоций при поддержке и под воздействием контекста.

При описании способов выражения эмоционального состояния в языке целесообразно говорить об описательных глагольно-именных оборотах, о них говорит в своем исследовании Е. Н. Лагузова [59]. В русском языке описательные глагольно-именные обороты, обозначающие состояние, образуются глагольными компонентами трех типов:

1) компенсаторными (*испытать волнение, возбуждение, тревогу; питать недоверие, ненависть; проявить беспокойство, участие; выявить интерес; впасть в отчаяние; прийти в недоумение*);

2) каузативно-фазисными (*ввести в заблуждение; ввергнуть в страх; повергнуть в ужас*);

3) каузативными (*вызвать переполох / страх / удивление; навести сомнение, ужас; причинить страдание*).

Исследователи уделяют большое внимание именам прилагательным, передающим эмоциональное состояния человека. Особого внимания в этом вопросе заслуживает исследование А. Н. Шрамма [133]. Хотя Шрамм дает свою классификацию качественных и относительных прилагательных, однако и до него исследователями предпринимались попытки по созданию объективной классификации прилагательных, при этом во главу угла ставились их семантические признаки. Классификацию прилагательных с эмотивной семой можно найти в работе А. Н. Гвоздева, который выделяет следующие семантические группы качественных прилагательных:

– обозначения общих оценок (*хороший, плохой, полезный, вредный*);

– обозначения свойств и состояний человека и животных (*добрый, злой, умный*);

– обозначения качеств предметов, воспринимаемых органами чувств: зрением (*белый, красный*); слухом (*тихий, громкий*); обонянием (*пахучий, душистый*); вкусом (*сладкий, горький*) [25, с. 209].

Лексика эмоций представляет сферу абстрактных понятий, и ученые неоднократно указывали на трудности, возникающие при попытке «объяснить» эмоции, дать им лексикографическое толкование. Основными приемами семантизации, направленными на раскрытие значений данных слов, можно считать следующие.

1. Сравнение: преподаватель дает студентам несколько эмолексем, предлагая сравнить частотность и ситуации использования этих слов, при этом в качестве дополнительного задания студентам может быть

предложено выразить эмоции, данные в списке, в различных речевых ситуациях.

2. Метод анализа ошибок: преподаватель демонстрирует студентам несколько ситуаций (слайды), а также вербальное высказывание, сопровождающее каждую ситуацию, при этом сопровождающие фразы ошибочно характеризуют картинку; задача студентов состоит в том, чтобы определить, ошибочна ли констатация эмоции (если да, необходимо исправить эту ошибку).

3. Ролевые игры: студентам предлагается разыграть некоторые приятные или неприятные ситуации, максимально разнообразно выражая эмоции, сопровождающие ситуацию.

О некоторых морфологических способах трансляции эмотивной семантики

Важно отметить, что за последние десятилетия внимание к вопросу о морфологических способах трансляции эмотивной семантики увеличилось, что привело к более глубокому пониманию механизмов выражения эмоций на русском языке как иностранном. Исследователи изучают данную проблематику с разных точек зрения и предлагают соответствующие им методики и подходы к обучению этому аспекту языка.

Исследования в этой области важны для развития методики обучения русскому языку как иностранному, поскольку понимание морфологических средств выражения эмотивности помогает обучающимся лучше взаимодействовать на русском языке и создавать более эмоционально насыщенные тексты. Использование грамматических средств для передачи эмотивности имеет важное значение для эффективного обучения иностранным языкам. Некоторые авторы, например, Е. С. Ошанова, сосредотачиваются на роли модальных глаголов для выражения различных оттенков эмоций в высказываниях [88]. В работах В. И. Озюменко акцент делается на изучении модальных глаголов и выражений, особенностях

употребления глагольно-временных форм и наречий, инверсивном порядке слов и других важных аспектах [86, с. 126], которым, по мнению ведущих методистов в области преподавания иностранных языков, следует уделять особое внимание. Другие исследователи подчеркивают важность использования различных форм времени, чтобы точнее передавать эмоциональную окраску высказывания [39].

Некоторые работы также обращают внимание на использование сложных предложений, пассивных конструкций и других грамматических структур для усиления эмотивной прагматики высказываний [40; 41; 50; 68; 114]. Важно учитывать, как правильно комбинировать различные грамматические конструкции для создания нужного эмоционального эффекта в учебных материалах или в общении на иностранном языке [117].

Исследования, посвященные особенностям грамматических конструкций, используемых для передачи эмотивной семантики в курсе преподавания русского языка как иностранного, включают в себя широкий спектр тем от теоретических концепций до практических аспектов обучения, важнейшим из которых является изучение грамматических структур и средств, которые могут быть использованы для выражения эмотивной семантики в русском языке. Это, например, работы, посвященные анализу употребления модальных глаголов, частиц, интонации и других лингвистических единиц, способствующих передаче эмоциональной оценки в высказывании [119; 135].

Другим аспектом исследований в этом направлении является изучение глагольно-именных фразеологизированных единиц с эмотивной семантикой: они играют важную роль в передаче эмоций на родном и иностранном языке [79; 121]. Анализ механизмов формирования и использования эмоционально окрашенных выражений помогает обучающимся в понимании и овладении этим аспектом русского языка.

Особенности эмотивных морфолого-синтаксических конструкций с различными типами выражения предиката рассмотрены нами ниже, в разделе об эмотивном тексте.

Синтаксические средства выражения эмотивности

В соответствии с теорией иерархии уровней языка уровень синтаксиса – это уровень семантического объединения глубинных и поверхностных смыслов всех его составляющих, это высокий уровень языковой абстракции, наиболее точно отражающий внутренний, субъективный мир языковой личности.

Важность проблемы отражения эмоциональных явлений на синтаксическом уровне в языке и речи несомненна. Синтаксические средства выражения эмотивности в русском языке являются важным аспектом коммуникации и понимания эмоций носителей языка. Одним из основных способов выражения эмотивной семантики является использование определенных синтаксических конструкций. Практика преподавания русского как иностранного с использованием синтаксических средств выражения эмотивности играет важную роль в формировании коммуникативных навыков студентов. В рамках занятий целесообразно использовать упражнения, направленные на распознавание и использование синтаксических конструкций, способствующих выражению эмоций. Такие задания помогут обучающимся не только улучшить свое владение языком, но и лучше понимать культурные особенности русской речи.

Существует широкий спектр синтаксических средств, которые могут быть использованы для выражения эмотивности в русском языке. Исследования в данной области позволяют выявить основные механизмы и приемы, с помощью которых можно передать эмоциональную окраску высказывания. Одним из ключевых направлений исследований является анализ употребления восклицательных и интонационных конструкций, которые способствуют выделению эмоционально окрашенной информации.

Помимо этого, важную роль играет анализ структуры предложения с целью выявления типичных синтаксических шаблонов, которые чаще всего используются для передачи эмоций и оценочных суждений. Например, использование двойных отрицаний, междометий, повторений и других средств может оказывать значительное влияние на эмоциональную окраску высказывания.

Изучение языка как инструмента коммуникации предполагает не только усвоение лексики и грамматики, но и понимание того, каким образом с помощью текста и его структур можно выразить свои эмоции и чувства. В этом контексте важен вопрос: как влияет использование тех или иных синтаксических средств на эмоциональное восприятие учебных и художественных текстов обучающимися при изучении русского языка? Исследования показывают, что влияние синтаксических средств на эмоциональное восприятие текста обучающимися при изучении русского языка как иностранного представляет собой актуальную проблему в области методики преподавания филологических дисциплин в целом, поскольку синтаксис, как один из ключевых аспектов языка, играет важную роль в передаче информации и эмоционального содержания текста [7; 27; 31].

С лингвистической точки зрения важен вопрос о том, какие синтаксические конструкции чаще всего используются для выражения эмотивности в тексте в процессе обучения русскому языку? Использование в речи различных типов предложений (простых, сложных, сложносочиненных, сложноподчиненных) может создавать разный эмоциональный оттенок в тексте. Изменение порядка слов в предложении также способно существенно влиять на то, как иностранные обучающиеся воспринимают информацию.

В рамках преподавания русского языка как иностранного синтаксические конструкции, используемые для выражения эмотивности, могут включать в себя разнообразные элементы. Одной из основных синтаксических конструкций, способствующих выражению эмоций,

является использование восклицательных предложений для передачи сильных эмоций, удивления, обращения к собеседнику или выражения восторга, например: «Как прекрасно это звучит!» Подобные предложения обычно используются для передачи таких сильных эмоций, как восторг, разочарование, удивление и другие. Например, восклицательное предложение «Какая красота!» передает положительное эмоциональное отношение говорящего к объекту оценки.

Другим важным синтаксическим средством выражения эмотивности является использование повторений и междометий. Повторения слов или фраз, а также использование междометий в предложения помогают усилить эмоциональное воздействие высказывания на реципиента. Например, фраза «Такой прекрасный день! День!..» помимо повторения слова «день», содержит междометие «такой», которое усиливает эмоциональную окраску выражения. Также эмоциональную окраску текста способны усилить такие синтаксические приемы, как повторения, парцелляция [47; 63].

Следует упомянуть об отличиях в использовании синтаксических средств выражения эмотивности при общении на родном и иностранном языке [72]. Так, в коммуникации на родном языке люди часто интуитивно используют такие средства выражения, как интонация, ритм, паузы и повторения. Синтаксические конструкции – более формальные, структурированные языковые средства, тем не менее они могут быть очень насыщенными с точки зрения содержания эмотивной семантики. Оценка в плане использования определенной синтаксической единицы в различных коммуникативных ситуациях требует от субъекта речевой деятельности хорошего знания правил, в соответствии с которыми создается та или иная синтаксическая структура, особенностей ее дистрибуции в сочетании с потенциальными возможностями ее семантической вариативности при формировании текста. Поэтому при общении на иностранном языке обучающиеся сталкиваются с ограничениями в использовании синтаксических средств для выражения эмоций, что может быть также

обусловлено ограниченным словарным запасом или неумением грамотно использовать формальные синтаксические конструкций. И тем не менее при общении на иностранном языке существуют уникальные возможности для экспериментирования субъекта речевой деятельности с различными синтаксическими средствами и обогащения языкового репертуара. Это может привести к более глубокому пониманию эмоциональных нюансов и культурных особенностей другого языка. Таким образом, отличие использования синтаксических средств выражения эмотивности при общении на родном и иностранном языке заключается в уровне интуитивности, насыщенности и возможностях для экспериментирования, что может влиять на выбор способа передачи и восприятия эмоций в разных языках и культурах.

Проведение экспериментов с целью исследования влияния синтаксических средств на эмоциональное восприятие текста студентами при изучении русского языка как иностранного позволит выявить особенности восприятия и понимания текстов на иностранном языке [69]. Результаты таких исследований могут быть полезны для разработки эффективных методик обучения иностранному языку, которые учитывают влияние синтаксических средств на эмоциональное восприятие обучающихся [63; 93]. Согласно исследованиям в области психологии обучения [92; 53], использование разнообразных синтаксических конструкций помогает стимулировать когнитивную активность обучающихся, что способствует более глубокому усвоению материала. Кроме того, использование сложных предложений и разнообразных синтаксических структур способствует развитию языковых навыков и соответственно – повышению мотивации и интереса к изучению русского языка.

Таким образом, синтаксические средства выражения эмотивности в русском языке играют значительную роль в коммуникации и понимании эмоционального содержания высказываний. Их использование является

важным аспектом как оригинальных научных исследований, так и практики преподавания филологических дисциплин.

Эмотивный текст и его конструкты

Обучение русскому языку на основе оригинального художественного текста представляется весьма актуальной проблемой, поскольку «национальные литературы способны не только защищать и корректировать имидж своего этноса в восприятии прочих народов, но и создавать рациональные модели взаимовосприятия и сосуществования наций» [36, с. 10]. Следовательно, тщательно отбирая художественные произведения в качестве учебного материала для преподавания различных филологических дисциплин, и в частности РКИ, методисты самым непосредственным образом оказывают влияние на формирование у инофонов представления о русской нации, культуре, русской языковой картине мира и мира эмоций, в частности. Таким образом, можно говорить о том, что личностные эмоциональные характеристики автора / героя художественного произведения так или иначе определяют особенности восприятия «своего» и «не-своего» мира у иностранных обучающихся.

Поскольку уровни знаков отражают уровневый характер организации психики, высший уровень психики – интеллектуальный, концептуально-логический – характеризуется и наиболее развитой знаковой системой – языком; в свою очередь, высшим уровнем организации языка является синтаксический. Исследователи отмечают, что процесс передачи знаний, то есть знаковое функционирование предполагает объективизацию знаний прежде всего в виде высказываний (предложений) и текстов – вербальных и невербальных, рациональных и эмоциональных [21; 40]. Прагматический подход к тексту дает возможность описать его как структурный элемент динамической системы отношений между объективной действительностью, автором текста, отражающим и структурирующим категории этой действительности, собственно текстом, соотносимым с индивидуальным

сознанием, и реципиентом данной текстовой информации. В данной работе текст рассматривается нами в рамках деятельностно-коммуникативного подхода как «социально-речевое произведение» [32]. Поскольку в тексте отражаются основные психологические характеристики его автора, то, как автор-продуциент переживает сообщаемое, эта основная единица коммуникации оказывается объектом изучения психологии и методики преподавания языковых дисциплин.

Понимание прагматической функции языковых или речевых единиц как наличия конкретных изменений в психике и поведении реципиента основывается, в частности, и на психологическом принципе эмоционального заражения, когда эмоция передается от одного индивида к другому, от коммуникатора к реципиенту. Коммуникативных ситуаций много, но заражение может детерминировать сходство поведенческих реакций больших групп людей. Однако этот феномен, как и большинство психологических явлений, требует индивидуального подхода в каждом конкретном случае его проявления у определенного человека, что и отмечено К. Изардом: «В большинстве случаев прошлый опыт индивида, аффективно-когнитивные структуры и ориентации и его эмоциональные пороги определяют, будет ли он "заражаться" эмоциями других или нет» [35].

Одним из ключевых понятий, способным объединить столь, казалось бы, различные области науки о человеке, как лингвистика, психофизиология и этология, является текст [71]. Вообще текст для представителей гуманитарных областей знаний является одновременно и конгломератом языковых структур и риторических правил, и манифестацией языковой личности, и средством речевого воздействия. Традиционно в рамках психолингвистического подхода текст рассматривается в процессуальном, динамическом аспекте, то есть как единица речевой деятельности, эксплицирующаяся в рамках процесса порождения или восприятия, и в статическом, то есть как единица речевого

мышления [190]. Такой подход позволяет рассматривать текст в прагматическом ракурсе, то есть с точки зрения его автора, продуциента (говорящего или пишущего) и его адресата, реципиента (слушающего или читающего).

Восприятие эмотивного текста реципиентами, «глубина прочтения» его семантики обусловлены сложностью его синтактико-грамматического устройства. Так, в процессе понимания простых предложений и так называемых «периодов», то есть осложненных полипредикативных высказываний с различными и многообразными видами синтаксической связи, совершаются ментально-когнитивные действия разной степени сложности. К числу факторов, осложняющих или упрощающих процесс восприятия, относятся также факторы соответствия или несоответствия морфолого-синтаксической структуры текста-стимула языковой норме в смысле общеупотребительности. Например, выражение эмоционального отношения при помощи глагольного предиката (*он боится заболеть*) в традициях нейролингвистики трактуется как более понятное, чем субстантивная конструкция (*боязнь болезни*). Таким образом, восприятие речевой информации категориально, то есть оно обусловлено не только физиологическими характеристиками воспринимающего индивида, но и в большой мере – индивидуальным лингвистическим и сенсорным опытом, принадлежностью к определенной языковой и социальной среде [150].

Представляется, что именно морфолого-синтаксическое устройство выказывания и текста с эмотивной семантикой достаточно четко отражает не только особенности эмоционального состояния, но и характер фреймового устройства, в рамках которого реализуется категоризация эмоциональной действительности с той или иной степенью субъективности или объективности, осознанности или бессознательности [70; 71]. Особенности процесса восприятия эмотивных текстов в учебной деятельности не подлежат непосредственному наблюдению, поскольку этот интимный процесс динамических изменений протекает в глубинах

человеческой психики. Однако применение различных психолингвистических методик позволяет «измерить» эмоциогенный эффект эмотивных текстов [70; 80].

Рассмотрение и изучение в данном исследовании *эмотивного текста* в фокусе учебно-методической прагматики обусловлено интересом гуманитарных отраслей науки к проблемам эффективности общения, и как следствие – к проблеме регуляции поведения языковой личности [44]. С позиций теории коммуникативно ориентированной лингвистики эффективное, адекватное выражение и описание эмоций в языке является гармоничным звеном в корпусе языковой коммуникации. Эмоционально-выразительный компонент коммуникативной функции речи наиболее ярко эксплицирует психический склад личности, в частности его индивидуальный эмоциональный опыт, поскольку в любом высказывании наряду с предметным содержанием выражается эмоциональное отношение автора к себе, к собеседнику, к предмету сообщения, к коммуникативной ситуации.

Эмотивным можно считать такой текст, который в качестве основных структурно-семантических компонентов имеет конструкты с эмотивной семантикой, обладает определенной эмоционально-смысловой доминантой и эмоциогенной прагматикой [70]. Эмотивный текст наряду с эмоциональной информацией, транслируемой с помощью «минимум одного эмотивного средства, выражающего определенную эмоцию, более или менее адекватно осознаваемую всеми коммуникантами в данной ситуации» [80], может передавать и фактуальную. Анализ учебных и художественных эмотивных текстов позволяет увидеть эмотивность в действии: условия ее работы, характер ее различных проявлений, взаимодействие с экспрессивностью и оценочностью текста.

Если «неэкспрессивных текстов не существует» [102, с. 134], то в отношении эмотивности текста такое высказывание можно рассматривать как достаточно смелое, поскольку эмотивность и выразительность

(экспрессивность) – разные, хотя и взаимосвязанные характеристики текста: на первом месте среди важнейших слагаемых экспрессивности стоит, по мнению В. А. Масловой, именно эмотивность [80]. Как отмечается в работах В. Н. Телии [115] и В. И. Шаховского [126; 127; 129; 130], эмотивность является ядерным компонентом экспрессивности, поскольку оценочные, образные, стилистические, структурно-композиционные и подтекстовые слагаемые экспрессивности текста в процессе его перцепции способны произвести эмоциогенный эффект.

В плане прагматики учебных и художественных текстов представляется необходимым различать формально-семантическое понятие эмотивности текста и прагматическое понятие эмотивного плана текста как составляющего экспрессивности, основывающиеся соответственно на психологических феноменах эмоциональности и эмоциогенности [68; 69]. Текст может обладать выразительностью в той или иной степени, но не обязательно быть при этом эмотивным в отношении наличия в нем формальных структурных компонентов; эмотивный текст логично рассматривать как необходимо экспрессивный. Таким образом, экспрессивная функция текста является облигаторной, а эмотивная – ситуативной.

Анализ специфики системной организации эмотивных текстов основывается в данной работе на психосемантическом подходе к изучению конструктов, выделяемых посредством концептуального и квантитативно-структурного метода анализа текста, продуктивность применения которого отмечается в работах М. В. Арапова [3], М. А. Марусенко [76] и других авторов. Основными структурными компонентами эмотивного текста являются эмотивные синтаксические конструкции, представляющие в своей семантике определенный пласт человеческого опыта. Эмотивные конструкции рассматриваются в работе как композитивы (в терминологии Г. А. Золотовой [33]), то есть речевые единицы – самостоятельные предложения, сопоставляемые по ряду психосемантических признаков и

создающие основу композиции эмотивного текста, транслирующие эмоционально-смысловую доминанту конкретного эмотивного текста.

Иногда исследователи говорят о том, что «решающую роль в прагматической квалификации текста играет его функциональное назначение, а не количество предложений того или иного прагматического типа» [52]. Однако утверждать с полной уверенностью о «прагматической квалификации» текста можно лишь исходя из реальных результатов прагматического воздействия определенного текста на конкретного адресата-реципиента, то есть с учетом перлокутивного эффекта.

Таким образом, это характеристика текста более по факту результата коммуникативного акта, чем по предполагаемому эффекту. Однако перлокуция, то есть результат речевого воздействия, может вступить в противоречие с планом иллокуции, то есть изначальными целями субъекта речи, что в результате различных причин (неверная квалификация ситуации речи, ошибочный подход к оцениванию информационного семантического поля адресата, выбор неправильной формы высказывания и т. д.) часто приводит к обратному или как минимум – непредсказуемому эффекту высказывания в русле коммуникативного акта по сравнению с желаемым, запланированным результатом воздействия.

Одним из важных объективных факторов, определяющих типологию эмотивного текста, является именно совокупность доминирующих в нем высказываний-конструктов. Однако отнесение последних к тому или иному речевому акту бездоказательно будет усложнять восприятие типологии в качестве совершенно объективной. При этом следует учитывать необходимые и достаточные основания для типологический классификации, подразумевающие не только предполагаемые, субъективно окрашенные функционально-прагматические характеристики высказываний-единиц коммуникации, но и конкретно-семантические, отражающие как собственно-лингвистические (категориальные), так и

экстралингвистические, концептуальные факторы (установки, представления о «картине мира».

ОПЫТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭМОТИВНЫХ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ В УЧЕБНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Основные принципы современной методической науки, детерминирующие и дидактический процесс в целом, и обучение конкретным видам речевой деятельности в процессе изучения филологических дисциплин, так или иначе затрагивают проблему адекватного выражения, называния и описания эмоциональных состояний субъектом речевой деятельности. Так, принцип сознательности подразумевает высокую степень осознанности в процессе кодирования и декодирования обучающимся эмоциональных смыслов, заложенных в эмотивной лексике, эмотивных синтаксических конструкциях, морфологических способах выражения эмотивного предиката. Принцип активности акцентирует внимание преподаватели на эмоциональной вовлеченности обучающихся в процесс познания нового. Принципы прочности и систематичности подразумевают формирование надежной мотивационной основы обучения филологическим дисциплинам, когда рациональная систематичность преподнесения материала подкрепляется ярким эмоциональным фоном его освоения. В этом смысле учебный дискурс изначально эмотивен.

Одним из направлений данного исследования было выявление особенностей «субъективного преломления и индивидуальной модификации», прагматического эффекта восприятия обучающимися-респондентами образной системы текстов с высоким коэффициентом эмотивности. Поскольку эмоциональная детерминация является одним из основополагающих факторов когнитивной перцепции индивида, анализ структурно-семантических особенностей эмотивных синтаксических

конструкций, содержащихся в речи обучающихся-респондентов, был принят нами как методическая основа исследования.

Одной из основных функций когнитивного стиля индивидуума является самовыражение посредством выбора уникального способа познания и осуществления интеллектуально емкой деятельности, выражающихся в манере речевого поведения, которое обусловлено содержанием конкретной коммуникативной ситуации. Процесс и результат самовыражения во многих аспектах детерминированы особенностями эмоциональной сферы личности, которые находят выражение на уровне внешних поведенческих реакций. Другие функции когнитивного стиля: адаптационная, компенсаторная и системообразующая – также непосредственно связаны с таким свойством внешней и внутренней речи, как эмотивная семантика. Когнитивные стили концентрируют в себе явно выраженные элементы аффективных состояний и, таким образом, выступают как высокоорганизованные черты в том смысле, что именно они определяют способ, которым в индивидуальном поведении связываются познавательные способности и эмоциональные свойства личности.

В работе рассматривается влияние коэффициента эмотивности художественного текста и характера представленных в нем эмотивных морфолого-синтаксических конструкций на систему субъективных смыслов обучающихся-реципиентов и на их речевую продукцию в процессе интерпретации текстов [67; 68]. Наша авторская методика «коэффициент эмотивности» основана на выявлении количества эмотивных лексических и морфолого-синтаксических конструкций в одной единице текста [69; 70]. Как материал исследования использованы композиционно целостные и сюжетно законченные тексты, структурными элементами которых являются эмотивные синтаксические конструкции различных типов. При этом в качестве критерия классификации эмотивных конструкций был избран способ морфологического выражения предиката.

На примере четырёх художественных текстов различной семантической направленности в работе обосновывается целесообразность междисциплинарного анализа семантики и прагматики текстов с высоким коэффициентом эмотивности. Такой подход обладает значимым дидактическим и методическим потенциалом. Актуальность исследования обусловлена частотностью выбора эмотивных текстов в качестве учебного материала. Изучение эмотивного образного плана в таких текстах осуществляется посредством экспликации и импликации приемов использования лексических и морфолого-синтаксических средств.

Итак, в работе представлены результаты комплексного междисциплинарного: функционально-стилистического, психосемантического, литературоведческого – анализа эмотивных художественных текстов из произведений Ф. Достоевского, М. Булгакова, И. Ильфа и Е. Петрова по основным критериям: эмоционально-смысловой доминанте, оценочному модусу эмотивности и психосемантическим особенностями доминирующих в каждом из анализируемых текстов морфолого-синтаксических конструкций. Представлена не только интерпретация образно-эмотивной системы художественных текстов-стимулов с опорой на выявленные психосемантические особенности выявленных эмотивных конструкций, но также некоторые интересные комментарии определенных эмотивно-тематических фрагментов, выявленные в процессе предъявления текстов обучающимся-респондентам.

В исследовании приняли участие 63 обучающихся КФУ им. В. И. Вернадского (место проведения исследования – г. Симферополь, Крым). Респондентам в качестве стимульных предъявлены четыре текста с высоким коэффициентом эмотивности. В конце описания результатов междисциплинарного анализа каждого из рассматриваемых текстов представлена краткая качественно-количественная справка об эмотивных конструкциях, формирующих структурно-тематическое содержание данных текстов.

Импликация эмотивной семантики с негативным оценочным модусом в рамках экспрессивно-образной системы текста

Одним из стимульных текстов является отрывок из повести М. А. Булгакова «Роковые яйца». Содержится данный текст в главе VI «История в совхозе». Условно этот стимульный материал рассматривался нами в исследовании как эмотивный текст с превалированием эмотивных конструкций с имплицитным выражением негативных эмоций. В рамках типологии текстов по эмоционально смысловой доминанте, предложенной В. П. Белянином, данный текст можно отнести к категории «сложных» текстов как по семантике спектра описанных в нем эмоциональных состояний, характеру стилистических языковых средств, так и по общей идейно-тематической направленности. Как отмечает автор вышеуказанной типологии текстов, «сложные» тексты в художественной литературе встречаются реже и связаны с мистикой, могут быть написаны в жанре научной фантастики, быть основой для фильма ужасов.

Денотативный объем темы данного отрывка из известной повести Булгакова – явление на арену развития действия гиперболизированного полумистического чудовища – змеи, которая была взращена с помощью легендарного «*красного луча профессора Персикова*» усилиями главного действующего лица этой главы повести – директора совхоза Александра Семеновича Рокка. Фамилия Рокк обретает символический смысл в этом контексте.

События разворачиваются необыкновенно динамично, напоминая сценарий голливудского фильма ужасов и не оставляя равнодушным ни одного респондента, что подтверждается результатами анализа текстов бесед с респондентами после предъявления данного текста как стимульного.

В начале отрывка описывается оптимистическое настроение советского служащего среднего руководящего звена, уставшего от праведных трудов на благо советского сельского хозяйства: Рокк идет купаться на пруд (*Бодро выбежал из дворца...; Бодро шел Рокк, помахивая*

полотенцем и держа флейту под мышкой.; ... тело ныло и просилось в воду...). Как видим, позитивная настроенность главного героя выражается не составом эмотивных предикатов, а при помощи эмотивов-обстоятельственных актантов. Однако при более внимательном рассмотрении этого предложения можно заметить его семантическую и структурную близость к комбинированным глагольно-адвербативным эмотивным конструкциям вроде «*Он чувствовал себя бодро*», в которых неполнозначный глагол сочетается с наречием, актуализирующим эмотивную семантику предиката в рамках фрейма «эмоциональное состояние + его субъективная оценка». Окрыленность директора совхоза с «роковой» фамилией своими успехами в выведении чудо-курочек перерастает уже в физическое ощущение бодрости. Респонденты тонко улавливают жизнеутверждающий пафос булгаковской пародии на стиль социалистического реализма при определении состояния Рокка в данной эмотивной ситуации. Так, один из респондентов так интерпретирует эмоциональное состояние главного героя данного текста: *«...Жизнерадостность человека, который точно знает свое место в жизни, которому ничего, в сущности, не грозит, у которого самые радужные перспективы... В общем-то, человек, который радуется жизни прежде всего оттого, что никому ничего не должен».*

Переломным событием в развитии действия является неосмотрительный поступок директора совхоза: он плюнул в таинственную «разлапистую путаницу» зарослей лопухов. Завязка жуткого сюжета формируется наслоением эмотивов. «*Шуршание, как будто кто-то поволок бревно*» (данное сравнение производит эффект звукописи) каузирует непроизвольную реакцию Рокка («*посмотрел с удивлением*»), осложненную физическим ощущением тревоги, выраженным деепричастным оборотом «*почувствовав мимолетное неприятное сосание в сердце*». С этого момента восприятие Рокком окружающей действительности, в частности природы, передается глаголами мгновенного действия *мелькнуть* («*мелькнула*

привлекательно гладь пруда и крыша купаленки», «*мелькнула кофточка жены Рокка Мани*») и *мотнуться* («*несколько стрекоз мотнулись*»). Семантически это можно интерпретировать как выражение нестабильности, непрочности, текучести бытия и символ эфемерности обывательского «счастья», благополучия, основанного на поверхностном, созерцательном восприятии реалий объективной действительности.

Своеобразным цветовым фоном эмоционально насыщенной ситуации является акцентуация серого и болезненно-зеленого оттенков при описании пейзажа. Просматривается также тенденция искусного нагнетания автором атмосферы таинственной угрозы: вначале даётся «звукописное» слово, оканчивающееся на шипящую (*шелест, шорох*), затем вводится яркое образное сравнение, отражающее звуковую ассоциацию («*короткое сипение, как будто высочились масло и пар из паровоза*»), и, наконец, эмотивная глагольная конструкция («*Александр Семенович насторожился...*»). Эмоциональный аспект визуального восприятия выражен также и обособленным обстоятельством-деепричастным оборотом, «*весь приковавшись к лопухам*». Респондентами достаточно глубоко прочувствована данная эмоциональная пресуппозиция: «... Этот человек ощущает все-таки, что некоторая странность окружающих явлений может изменить его жизнь, может повлиять на нее не самым благоприятным образом». И здесь мы снова сталкиваемся с символикой цветовой гаммы, в которой изображается гиперболизированный образ Змеи как абсолютного злобного феномена: «*сероватое и оливковое бревно*», «*мокрые желтоватые пятна усеивали бревно*».

Эффект жуткой таинственности создает прием образного описания чудовища без его номинации: слово «змея» мы услышим только в момент кульминации, а пока фигурируют только местоимения «*оно*», «*что-то*», «*это что-то*». Такое описание действительно способно оказать самое сильное впечатление даже на не самого впечатлительного человека. Характерным признанием респондентов было следующее: «Я

прислушивалась в постоянном напряжении». М. Булгаков мастерски оттеняет данное описание сатирическим сравнением размеров чудовища с привычным элементом быта и введением в негативный контекст позитивных оценочных эпитетов, создающих эффект контраста эмоционального фона: «*Над Александром Семеновичем оказалось что-то, напоминающее по высоте электрический московский столб. Но только это что-то было раза в три толще столба и гораздо красивее его, благодаря чешуйчатой татуировке*». Как видим, субъект еще не вышел из состояния эмоционального равновесия, поскольку он в состоянии объективно и даже эстетически воспринимать происходящее.

Однако эмоциональная реакция героя на происходящее не заставляет себя ждать: «*Ничего еще не понимая, но уже холодея, Александр Семенович глянул на верх ужасного столба, и сердце в нем на несколько секунд прекратило бой. Ему показалось, что мороз ударил внезапно в августовский день, а перед глазами стало так сумеречно, точно он глядел на солнце сквозь летние штаны*». Эмоции всеобъемлющего ужаса выражены посредством описания почти физиологических ощущений героя («*холодея*»; «*сердце. прекратило бой*») и неестественных, абсурдных природных явлений. Яркие метафоры прагматически призваны ввести адресата текста в состояние эмпатии. Просьба описать состояние Рокка в момент явления чудовища продуцирует в речи респондентов в основном глагольные ЭК с интенсивно отрицательной семантикой («*почувствовал ужас*», «*ужаснулся*»). В описании головы Змеи проявляется эксплицитно негативная символика цвета («*Она была сплющена, заострена и украшена желтым круглым пятном по оливковому фону*»). Традиционно в кинеме основная семантическая нагрузка ложится на описание выражения глаз, а в этом контексте – на эпитеты с негативным значением («*ледяные и узкие глаза*»). Особенно запоминающимся, по признанию реципиентов, является предложение с явно эксплицитным выражением эмоций, где подлежащее-эмотив подкрепляется по закону семантического согласования ярким

эпитетом и усиливается глаголом-сказуемым с метафорической семантикой: «*Лишенные век, открытые ледяные и узкие глаза сидели в крыше головы, и в глазах этих мерцала совершенно невиданная злоба*». Сильный прагматический эффект этого предложения легко предсказуем, поскольку называние конкретной, весьма интенсивной и «*опасной*» эмоции ярко выделяется на фоне имплицитной, метафоризированной трансляции эмотивной семантики.

Автор комментирует слова-реакцию Рокка (...*четыре слова, совершенно невероятных и вызванных сводящим с ума страхом*. // *– Что это за шутки*...), приводя каузацию на нескольких синтаксических уровнях: однородные эмотивные определение (адъективно-адвербативное сочетание и причастный оборот) – на номинативном уровне, требующем каузатива-пояснения, и все последующее предложение с уничижительно иронической семантикой (*Настолько уж хороши были эти глаза между листьями*) – на предикативном уровне. «Невероятность» реплики Рокка заключается в её явном логическом несоответствии ситуации: такая лексика используется в гораздо менее эмоциогенной, вполне бытовой ситуации. Ментальная реакция героя описана в неполных предложениях, где применяется введение многоточия как импликанта избыточности эмотивной семантики. При более внимательном рассмотрении оказывается, что «картинка», возникшая в зрительной памяти Рокка, представлена рядоположенными, как бы «нанизанными» друг на друга номинативными предложениями, формирующими эмотивный кластер, чем также создается экспрессивный эффект. Вынужденная находчивость Александра Семеновича *(«заиграл, ежесекундно задыхаясь, вальс из «Евгения Онегина»*) каузируют вполне предсказуемую реакцию фантастических глаз: «*Глаза в зелени тотчас же загорелись непримиримой ненавистью к этой опере*».

Как видим, метафорическое глагольное сочетание подкреплено эпитетом с эксплицитной эмотивной семой. Следует отметить, что автор пользуется определенной схемой при описании столь эмоциогенной

ситуации: «причина (вид чудовища) + состояние героя (выражение эмоций героя при помощи имплицитных ЭК) + действие-реакция героя как логическое завершение эмоционального цикла». Интересно, что просьба к респондентам оценить действия Рокка влечет за собой реплики с семантикой явного возмущения: «Как смеет такой человек играть такое произведение, как эта опера!»

Препозиционным моментом к кульминации является контрастное по отношению к структуре и семантике всего контекста введение реплики, принадлежащей жене Рокка Мане, с просторечным глаголом позитивно: ироничной семантики (*– Что ты, одурел, что играешь на жаре? – послышался веселый голос Мани, и где-то краем глаза справа уловил Александр Семенович белое пятно*). Определение «*веселый*» привносит в контекст предчувствие трагической развязки. Действенным средством эмоционального противопоставления является и символический цветовой элемент – «*белое пятно*» (кофточка Мани), поскольку он выступает как референт непосвященности, наивности ничего не подозревающей героини.

Кульминация текста представляет собой своеобразную трансляцию аудиального восприятия рассказчиком разворачивающихся событий как бы со стороны: «*...Истошный визг пронизал весь совхоз, разросся и взлетел, а вальс запрыгал, как с перебитой ногой*». При этом эмотивная семантика привносится при помощи метафоризированных глаголов-сказуемых и образного сравнения; семантически эксплицитным эмотивом является только эпитет «*истошный*» (визг). Наконец, автор вводит динамичное описание действий чудовища, впервые называя его конкретно: до сих пор речь шла о монстре, не названным по имени. Следует отметить, что все респонденты отметили, что сразу угадали при первом же восприятии текста (некоторые участники исследования отмечали, что ранее читали эту повесть М. Булгакова), что речь идет именно о змее: по словам одного из респондентов, «только змея может вот так ужасно взвиться». Характерно то, что Булгаков разворачивает композицию данного отрывка, вводя пять

предложений именно посредством подлежащего «*змея*», таким образом, используя прием синтаксического эмотивного анадиплозиса. Таким образом, главное действующее лицо этого отрывка – гиперболизированное, почти сказочное, но такое перцептивно реальное чудовище.

При обработке материалов текстов-откликов отмечено, что респондентов более всего впечатлили именно размеры описываемого в тексте монстра: «*Змея приблизительно в пятнадцать аршин и толщиной в человека, как пружина, выскочила из лопухов*», – и далее: «*Змея извернулась пятисаженным винтом, хвост её взмел смерч*». При этом чудовищные глаза «*покинули Александра Семеновича, отпустив его душу на покаяние*». Как видим, почти библейская лексика выражает совершенно, казалось бы, неуместный, почти иезуитский сарказм автора в описании такой ужасной ситуации. Состояние наблюдающего всю эту жуткую сцену Рокка автор выражает максимально образно при помощи метафорических, имплицитно эмотивных синтаксических средств, словно «за кадром»: «*Вальс кончился*». И снова просторечный глагол-сказуемое формирует эмотивную семантику абсурдно жестокой несправедливости происходящего: «*Змея махнула мимо заведующего совхозом*», – ведь агрессия чудовища направлена на христиански кроткое, смиренное создание – Маню. Эмоциональная кинема дана в восприятии Рокка, который «*видел совершенно отчетливо: Маня стала желто-белой и её длинные волосы, как проволочные, поднялись на пол-аршина над головой*». Автор не жалеет наших нервов, подробно, как бы смакуя, живописуя ужасную смерть Мани, которая совершенно не сопротивляется: она только «повторила режущий предсмертный крик», а потом «*не издала ни одного звука, и только Рокк слышал, как лопались её кости*». Автор нагнетает эмоциональный накал в визуальной перцепции: метафоричные глагольные сочетания и обстоятельство-эмотив, выраженное деепричастием, с ярко положительной эмотивной семой введены в контекст с подавляюще страшной образностью описания: «*Высоко над землей взметнулась голова Мани, нежно прижавшись к змеиной щеке. Изо рта у*

Мани плеснуло кровью, выскочила сломанная рука, и из-под ногтей брызнули фонтанчики крови».

Динамика ужасных событий велика, и автор вводит уже совершенно циничное по своей обыденности сравнение: «*Змея, вывихнув челюсти, раскрыла пасть и разом надела свою голову на голову Мани и стала налезать на нее, как перчатка на палец*». В беседе после предъявления текста респонденты признавались, что в процессе восприятия этого текста у них складывалось впечатление, что «эти ужасы никогда не кончатся». При ответе на вопрос: «Какие чувства вызвала у вас сцена гибели Мани?» – характерным можно считать следующий ответ: «Пожалуй, чисто животное отвращение: хруст костей... Потом, пожалуй, некоторая тревога и сознание, что в этом есть глубокий смысл».

Но финал уже близок: «*От змеи во все стороны било такое жаркое дыхание, что оно коснулось лица Рокка, а хвост чуть не смел с дороги в едкой пыли. Вот тут-то Рокк и поседел*». Многие респонденты трактуют такую концовку как справедливое возмездие за неправедные дела и отмечают тот факт, что Рокк явно осознал свою вину за все происходящее и испытал разнообразные по своему качеству и направленности эмоции: «Одна эмоция никогда не идет в одиночку, а тянет за собой целый спектр сопутствующих эмоций».

В заключительной части стимульного текста обращает на себя внимание респондентов образное, но, по словам одного из них, «уж слишком бытовое, приземленное» сравнение: «*Сначала левая и потом правая половина его черной, как сапог, головы покрылась серебром*». Развязка сюжета делает намек на то, что, вероятно, автор хотя бы в конце этого «фильма ужасов» посочувствовал своему герою, выразив крайнюю степень аффекта при помощи предложно-именной эмотивной синтаксической конструкции: «*В смертной тошноте он оторвался наконец от дороги и, ничего и никого не видя, оглашая окрестности диким ревом, бросился бежать*…» Характерно, что глава заканчивается многоточием,

символизирующим то, что ужасный сюжет еще не исчерпал своих возможностей.

Синтаксический анализ данного текста позволил выделить 84 предикативных центра. При помощи метода семантического дифференциала нами отмечено наличие 73 эмотивных семантических модусов в составе предикатов. Так, выделено 8 эмотивных конструкций (ЭК) с эксплицитным выражением эмотивного значения: 4 – с негативной эмотивной семантикой (глагольный эмотивный предикат, глагольное словосочетание, совмещенная глагольно-адвербативная конструкция и подлежащее-эмотив), 1 ЭК (совмещенная глагольно-адвербативная) с нейтральной семантикой; синтаксические конструкции с семантикой позитивного эмотивного модуса представлены тремя случаями (собственно глагольная ЭК, совмещенная глагольно-адвербативная ЭК и адъективная ЭК). Кроме того, результатом семантико-синтаксического анализа стало выявление 40 синтаксических конструкций с имплицитной эмотивной семантикой: это 43 ЭК с семантикой негативного эмотивного модуса (17 собственно глагольных предикатов, 4 эмотивных предиката, выраженных глагольными словосочетаниями, 2 «совмещенные» глагольно-адвербативные ЭК, 7 адъективных ЭК и 2 подлежащих-эмотива), 2 глагольные ЭК с амбивалентной семантикой); ЭК с позитивной эмотивной семантикой представлены тремя случаями 1 (собственно глагольная ЭК и 2 глагольно-адвербативные).

Эмотивная семантика позитивного модуса представлена в двух случаях на номинативном синтаксическом уровне. Следует отметить, что в беседе, затрагивающей тему впечатлений от прослушанного текста, респонденты отмечали, что «талант Булгакова в том, что этот человек неординарно воспринимает действительность». Неоднократно респондентами было отмечено, что в данном тексте авторства М. Булгакова каждая сцена не имеет однозначного решения, одного звучания, что за ней скрывается очень много смыслов, сатирических или даже ностальгических.

Характерно восприятие предъявленного текста как семантически «нового» даже обучающимися-филологами, которые, конечно, были знакомы с этой повестью М. Булгакова и ранее: «Новизна ощущений все-таки была».

Некоторые респонденты отмечали приглушенность своих эмоций при восприятии данного текста с преобладанием имплицитно выраженной эмотивной семантики. Как отметил один из респондентов, «меня, наверное, положительное больше волнует, чем отрицательное». Вероятно, здесь проявляется феномен психологической защиты, инстинкт самосохранения, культивирования благоприятного внутреннего микроклимата, защиты позитивно значимых личностных смыслов от посягательства жестоких реалий и подсознательное, а, возможно, и сознательное отторжение негативной информации.

Способы и приемы авторского имплицирования условно позитивной эмотивной семантики в художественном тексте

Следующим стимульным текстом с превалированием имплицитных ЭК с семантикой позитивной эмотивности нами был избран отрывок из романа М. Булгакова «Мастер и Маргарита». По результатам семантико-синтаксического анализа, в данном тексте преобладают синтаксические конструкции с имплицитно выраженной семантикой позитивного эмотивного модуса. В соответствии с типологией текстов по эмоционально-смысловой доминанте, этот стимульный текст можно определить как «светло-красивый». «Светлые» тексты связаны с экологической и религиозной тематикой, описывают мир возвышенных идей и поступков, жизнь в них представляется уникальной и неповторимой, и, как следствие, ведущим семантическим компонентом такого текста является идея уникальности. Основная тема «красивых» текстов связана с искусством и эмоциональным миром личности, а сюжет связан с раскрытием «тайны родства» главной героини, в частности, духовной близости герою. Стиль текстов обоих типов эмоционально приподнятый, возвышенный,

изысканный. Ключевыми эмоционально-качественными категориями, представленными в «красивых» текстах, являются волнение, страсть, чистота взаимоотношений, благородство, бескорыстие, щедрость.

По критерию типа доминирующих ЭК данный ЭТ мы рассматриваем как имплицитно эмотивный с условно позитивной эмоционально-смысловой доминантой. Обоснование отнесения рассматриваемого ЭТ-стимула к указанному классификационному типу дается нами в рамках комплексного семантико-синтаксического и литературоведческого анализа, результаты которого привдятся ниже.

Эмоциональная пресуппозиция данного отрывка о знакомстве главных героев и зарождении их удивительной, неземной любви состоит в описании «*отвратительных, тревожных, желтых цветов*», которые несла в руках женщина, столь поразившая Мастера с первого взгляда. Как видим, явно негативная, отрицательно эмоционально окрашенная символика желтого цвета, с которой респонденты сталкиваются при прослушивании отрывка из повести М. Булгакова «Роковые яйца», проявляется и в данном стимульном материале. Обобщенность, тотальность восприятия всего желтого как субстанции, однозначно не предвещающей ничего хорошего и скорее продуцирующей недобрые предчувствия, естественно, сопровождается столь же явным отрицательным оцениванием. Категоричность этой оценки выражается при помощи не характерной для булгаковского стиля в целом и для данного отрывка в частности ЭК с предикатом-прилагательным в полной форме: «*Нехороший цвет*». Фразеологизм с инвективной семантикой (*Черт их знает, как их зовут, но они первые почему-то появляются в Москве*) также подчеркивает почти агрессивное неприятие рассказчиком способности этих цветов как олицетворенных «субъектов», не названных по имени, и, кажется, не имеющих права именоваться, первыми появляться в Москве. Следует отметить также глубоко символичный цветовой фон (*Эти цветы очень отчетливо выделялись на черном ее весеннем пальто*). Введение

определения «*черный*» в дистрибуцию «*весеннее пальто*» в соответствии – с законом семантического согласования Ш. Балли воспринимается как явно эмоционально положительное начало. Как будет видно из последующего материала данного отрывка из романа, черный цвет, в видении Булгакова, – магический символ возможности духовного возрождения из пепла, а также знак высшей космической справедливости и предопределенности (вспомним черный плащ Воланда). Маргарита одета во все черное, что, вероятно, отражает мифологические представления о сексуальной привлекательности роковой женщины, деяния которой могут вызывать амбивалентные эмоции в зависимости от субъекта и позиции оценивания («*черная перчатка с раструбом*»; «*черный шелк, заслонявший свет*» – о чулках и туфлях Маргариты). Следует отметить, что в ассоциативной психологии предпочтение индивидуумом черного цвета трактуется как латентная агрессия.

Синтаксический повтор (*Она несла. желтые цветы!*) может рассматриваться как акцентуирование метафорического значения коннотатируемого негативного состояния (она несла в себе одиночество). Это подтверждается последующим контекстом, в котором номинация эмоции в качестве подлежащего одновременно каузирует пассивное, но весьма интенсивное состояние Мастера, который является рассказчиком (*И меня поразила не столько её красота, сколько необыкновенное, никем не виданное одиночество в глазах!*) Амбивалентная оценка этой всеподавляющей эмоции подтверждается эпитетами, которые отказывают одиночеству в праве быть обыкновенной, общепонятной эмоцией: у исключительного человека и одиночество должно быть особенное, необозримое по своим масштабам. Использование в функции однородных подлежащих несовместимых в общепринятом понимании номинаций «*красота*» и «*одиночество*», объединенных эмотивным глагольным сказуемым «*поразила*», представляется вовсе не случайным. Таким образом автором романа выражена интенсивность, высокая степень проявления

эмоционального значения, оценки чрезвычайно неординарных переживаний такого феноменального представителя рода человеческого, как Маргарита.

Желтый... И снова отмечаем всеподавляющую символику этого цвета: «*Повинуясь этому желтому знаку, я тоже свернул в переулок и пошел по её следам*». Следует отметить суггестивную, почти гипнотическую силу этого цветового символа, который проявляет высокую частотность в композиционных рамках данного ЭТ. Эмоциональная пресуппозиция развития чувства Мастера и Маргариты состоит и в описании интимной ситуации, которая неуклонно сближает героев (*Мы шли по кривому, узкому переулку безмолвно, я по одной стороне, а она – по другой. И не было, вообразите, в переулке ни души*). Экспрессивный эффект при имплицитном выражении эмоций неуверенности, неопределенности создается введением метафорических эпитетов, антитезы, императива в качестве вводного слова. Следующее предложение представляет кластер, состоящий из однородных глагольных сказуемых-эмотивов с явной эмотивной семой и придаточных предложений с имплицитным выражением тревоги: «*Я мучился, потому что мне показалось, что с нею необходимо говорить, и тревожился, что я не вымолвлю ни одного слова, а она уйдет, и я никогда е более не увижу*». Конструкция с прямой речью сопровождается тем же вводным словом «вообразите», то есть автор отмечает чрезвычайную, почти фантастическую неординарность ситуации, когда первой с «неизвестным» заговорила такая исключительная женщина, как Маргарита. Автор вводит её речь посредством императивного глагола-эмотива, а тематика вопроса, как представляется, затрагивает не столько отношение к сорту цветов, сколько их цвет (опять цвет!): «*– И, вообразите, внезапно заговорила она: / – Нравятся ли вам мои цветы?*» Авторская интерпретация цветовой символики тесно и неуловимо переплетается с аудиальным восприятием и общей эмоциональной оценкой происходящего (*Я отчетливо помню, как прозвучал е голос, низкий довольно-таки, но со срывами, и, как это ни глупо,*

показалось, что эхо ударило в переулке и отразилось от желтой грязной стены). Предкульминационная беседа героев состоит из реплик, большинство из которых включают синтаксические ЭК с эксплицитно выраженной семантикой эмотивности. Повтор комбинированной предикативной конструкции, состоящей из глагола с нейтральной семантикой и наречия-эмотива (*посмотрела удивленно*) оформляет рамки эмотивной ситуации «любовь». Восклицательное по интонации предложение представляет градацию в плане интенсивности и семантической значимости выражения эмоций по нарастанию их интенсивности и значимости в жизни героев: «удивление – радостное озарение – любовь» (*Она поглядела на меня удивленно, а я вдруг, и совершенно неожиданно, понял, что я всю жизнь любил именно эту женщину*!). Мгновенность возникновения чувства просветления, озарения, осмысления внезапно нахлынувшего на Мастера чувства автор романа выражает обособлением двукомпонентного адъективного обстоятельственного актанта без соответствия правилам пунктуации, поскольку сочетание «*совершенно неожиданно*» является синонимом наречия «*вдруг*», и едва ли можно формально считать его уточнением. Однако данная дистрибуция, заключенная в необычные пунктуационные рамки, привносит семантическое расширение именно в восприятие респондентами интенсивности имплицитно выраженной эмоции. Удивление Мастера своим столь неожиданным открытием транслируется при помощи парцеллированных разговорных конструкций: «*Вот так штука, а? Вы, конечно, скажете, сумасшедший*?» Характерна апелляция к адресату посредством введения в вопросительные предложения междометия «*а*» и просторечия «*штука*», которое можно рассматривать как субстантивный аффектив с коннотативной эмотивной семантикой. Попытка автора предсказать эмоциональную оценку адресата выражена вводным словом и неполнотой предложения.

Синтаксический повтор (*– Вы вообще не любите цветов? // – ...Нет, я люблю цветы, но только не такие. – ...Я розы люблю*) не кажется семантически навязчивым, искусственным построением, как может показаться на первый взгляд. Здесь романтическая игра героев перерастает в выяснение глобальных, мировоззренческих вопросов о сущности бытия и любви как его основе. Автор удачно использует прием монтажа в сочетании реплик героев о любви к цветам и комментариев Мастера по отношению к эволюции эмоционального, чувственного фона во время этой глубоко символичной, необычайно значимой лирической эмоциональной прелюдии общения героев. Булгаков использует различные синтаксические приемы при выражении эмотивной семантики через призму основных репрезентативных систем: визуальной (кинемы «*поглядела удивленно*», «*виновато улыбнулась*», «*усмехнувшись*»), аудиальной (*в голосе её была, как мне показалось, враждебность*), кинестетической (*совершенно не чувствовал себя стесненным*).

Стремление Маргариты расстаться жёлтыми цветами, как символом одиночества, и заодно – с этим состоянием выражено повтором глагольного предиката и образует замкнутый коммуникативно-ситуативный контур в сочетании с адекватной реакцией Мастера, не смеющего поверить своему счастью и словно проверяющему на прочность чувства своей спутницы (*Бросила свои цветы в канаву. Растерявшись немного, я все-таки поднял их и подал ей, но она, усмехнувшись, оттолкнула цветы, и я понес их в руках. Так шли молча некоторое время, пока она не вынула у меня из рук цветы, не бросила их на мостовую*). Как видим, решимость героини покончить с прошлым – чрезвычайно активная эмоция, приобретающая даже некоторый оттенок агрессии. Однако в конструктивности такого чувства сомневаться не приходится, поскольку целью этих действий является физическое и духовное сближение героев. Здесь снова Булгаков использует свой излюбленный прием, то есть постепенную интенсификацию эмотивной семантики, выраженной имплицитно.

Проследим эволюцию событий, формирующих контекст сближения и постепенно приобретающих яркую эмоциональную окраску: «*Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она – по другой. Ине было, вообразите, в переулке ни души… Я быстро перешел на её сторону… Я шел с нею рядом, стараясь идти в ногу… Она … продела свою руку в черной перчатке с раструбом в мою, и мы пошли рядом*». В выражении спектра амбивалентных эмоций, постепенно приобретающих позитивную направленность, Булгаков употребляет полнозначные глагольные предикаты с коннотативной эмотивной семантикой, тем самым подчеркивая всепобеждающую, воинственную силу зарождающегося чувства. Функция подлежащего у субстантивного эксплицитного эмотива акцентирует неуместность, нелогичность, неестественность такой отрицательной эмоции в данной ситуации, словно нарушая общий позитивный семантический план.

Изъятие при формировании текста-стимула из авторского текста двух реплик собеседника Мастера Ивана Бездомного, который и является «первичным» реципиентом этого рассказа, позволяет ввести кульминационную часть романа без семантико-тематических сбоев и отступлений. По результатам анализа материалов постстимульных бесед, следующее восклицательное предложение, полностью состоящее из эмотивов различных видов, более всего запомнилось и впечатлило респондентов (*Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих*!) Олицетворение любви проявляется в сочетании данного существительного-субъекта с однородными глаголами-предикатами с различной эмоционально-стилистической окраской (глагол движения «*выскочила*», относящийся к разговорному стилю, и метафорический глагол книжного стиля «*поразила*»). Сочетание таких разноплановых, относящихся к различным функциональным стилям глаголов, подчеркивает особую активность и жизненную значимость данной эмоции. Образное сравнение весьма

символично в плане пророчества, если учесть, что события действительно происходят в переулке. В следующем, не менее эмоционально экспрессивном предложении автором приведены два сравнения, представляющие самостоятельные эмотивные пропозиции, объединенные не только интонацией конца, но и повтором наречия с имплицитной эмотивной семой (*Так поражает молния, так поражает финский нож!*), также не воспринимаются респондентами как искусственные способы создания эмотивно насыщенных образов, настолько психологически правдиво отражено эмоциональное состояние героев.

Далее отмечаем сложное предложение, экспрессивный эффект выражения эмоций в котором создается посредством лексических повторов и парцелляции при помощи вводных слов, небольших по объему однородных деепричастных оборотов со сходной семантикой, но транслирующих восприятие словно из разных репрезентативных систем: «*Она-то, впрочем, утверждала впоследствии, что любили мы, конечно, друг друга давным-давно, не зная друг друга, никогда не видя, и что она жила с другим человеком, и я там тогда. С этой, как ее...*» Имплицитно эмотивная семантика антитезы закрепляется «рваным синтаксисом» последующего предложения: Мастер тщетно пытается вспомнить имя женщины, бывшей когда-то его женой, к которой он навсегда охладел, встретив Маргариту, а, возможно, никогда и не ценил (*– С этой... ну... с этой, ну... На этой... Вареньке, Маечке... нет, Вареньке... еще платье полосатое... музей. Впрочем, я не помню*). Следует отметить, что юноши-респонденты охотно прощали Мастеру такую забывчивость, чего нельзя сказать о девушках-респондентах. Снисходительно-пренебрежительное отношение к экс-супруге, выраженное в амнезических излияниях Мастера, проявляется в уменьшительно-ласкательных суффиксах имени (*Варенька, Манечка*), что позволяло респондентам трактовать воображаемый образ жены Мастера иногда как существа инфантильного, иногда – как «мещанки». Определенная роль в этом принадлежит, очевидно,

«*полосатому платью*». В следующем отрывке символика желтого цвета получает свое объяснение в качестве имплицированного описания эмоционального состояния Маргариты: «*Так вот она говорила, что с желтыми цветами в руках она вышла в тот день, чтобы я наконец её нашел, и что, если бы этого не произошло, она отравилась бы, потому что жизнь её пуста*».

Переключение временного плана с «настоящего в рассказе» на «прошедшее в действительности» посредством употребления глаголов-сказуемых в различных временных формах, а также глагола с имплицитно негативной семантикой в условном наклонении создает эффект «монтажа» эмоциональных психических состояний героя и героини в предполагаемой хронологии в прошлом, настоящем и будущем. На наш взгляд, это один из инвариантов психологического ремейка как художественного приема внесения в художественный текст особой образности, экспрессивности и выражения эмотивной семантики. Эмоция опустошенности, осознания никчемности своего существования передана посредством предикатива-прилагательного с имплицитной эмотивной семантикой. Таким образом, сочетание «*жизнь* [понятие, однозначно подразумевающее некоторое содержание – И. Л.] *пуста*» можно рассматривать как оксюморон, то есть как один из самых ярких, самых образных тропов эмотивного художественного текста. Дальнейший повтор эмотивно значимого олицетворения любви и её кардинального влияния на судьбы героев воспринимается респондентами как выражение автором невозможности отступления перед этой грозной, но такой прекрасной, захватывающей стихией. Непротивление этой мистической силе, даже обоюдное стремление Мастера и Маргариты быть охваченными этим состоянием уже не вызывает сомнений. В данном контексте выражение вдохновенной отстраненности от сует земной жизни, от мелких обывательских интересов имплицитно выражается в констатации отсутствия визуального контроля за внешними событиями: «*Да, любовь поразила нас мгновенно. Я это знал в*

тот же день уже, через час, когда мы оказались, не замечая города, у Кремлевской стены на набережной». Состояние изначального духовного единения и обусловленной этим неизъяснимой радости выражено имплицитно, при помощи синтаксического повтора и сравнений, становясь благодаря этому более эмоциогенным (*Мы разговаривали так, как будто расстались вчера, как будто знали друг друга много лет*).

Символично, что автор «назначает свидание» своим героям-романтикам на одном и том же месте, у реки, что может служить знаком грядущего нравственного очищения, духовного обновления, катарсиса (*На другой день мы сговорились встретиться там же, на Москве-реке, и встретились*). Жизнеутверждающий пафос излучают повторяющиеся однокорневые сказуемые, словно обещая, что все будет именно так, как хотят этого любящие друг друга люди. Здесь проявляется общеизвестная булгаковская тема фатальной предопределенности как светлых, счастливых событий, так и трагических, печальных. И снова автор вводит олицетворение: доброжелательным посредником первого свидания влюбленных становится даже Солнце (*Майское солнце светило нам. И скоро, скоро стала эта женщина моею тайною женой*). Сколько затаенной радости в этих скупых и даже сухих на первый взгляд словах!

Характерно, что многие респонденты отмечали тот факт, что ни разу во всем отрывке героиня не названа по имени, ведь эта женщина для Мастера единственная в свете. Решающим фактором является также ореол Тайны, окутывающей все, что связано с личностью героини.

Участники исследования отмечали особую романтичность отрывка текста, описывающего эмотивную ситуацию ожидания Мастером прихода Маргариты. Активность этого общепринято пассивного и негативно окрашенного состояния, у Мастера каузирована первичным доминирующим чувством любви к Маргарите и выражена посредством эмотивной конструкции с предикатом, выраженным глагольным сочетанием с экспликацией фазового значения: «*Она приходила ко мне*

каждый день, а ждать её я начинал с утра». Булгаков своеобразно интерпретирует это полисемантическое состояние, используя различные лексико-морфологические способы выражения его с целью передать весь спектр дополнительных, сопутствующих эмоций. Описывая состояние волнительного ожидания Мастера, автор дает понять, что Мастер не теряет чувства реальности происходящего, он вполне объективно, хотя и эмоционально, оценивает и время, и пространство: «*За десять минут я садился к оконцу и начинал прислушиваться, не стукнет ли ветхая калитка. И как курьезно: до встречи моей с нею в наш дворик мало кто приходил, а теперь мне казалось, что весь город устремился в него*». Здесь глагольное сочетание «*начинал прислушиваться*» следует интерпретировать как «начинал волноваться», а адъективная ЭК «как курьезно» выражает не столько самоиронию автора, сколько его удивление изменениями в окружающем мире, происшедшими в нем после того, как во дворике «*с ветхой калиткой*» поселилась Любовь. Синтаксический повтор, синхронизирующий аудиальное восприятие внешних событий и физическое состояние – референт эмоции тревожного ожидания, предвкушения встречи с любимой. Булгаков выражает обманутые ожидания Мастера с помощью вводного слова-апеллятива «*вообразите*», призывающего адресата текста понять эмотивно насыщенную ситуацию и активно сопереживать, а раздражение из-за вторжения в сферу интимных чувств – посредством впечатляющего метафорического сочетания, когда унизительным является соположение на одном уровне лица Мастера и «*чьих-нибудь грязных сапог*». И, наконец, субъект, враждебный предвкушению любовной встречи, находит свое наименование в отрывочном нераспространенном номинативном предложении, за которым следуют почти негодующие вопросы: «*Точильщик. Ну, кому нужен точильщик в нашем доме? Что точить? Какие ножи?*»

Антитеза в рамках эмотивной ситуации «каузирующее событие + эмоциональное состояние» подкрепляется четким выражением искренности

говорящего в нераспространенном предложении с имплицитной эмотивной семой: «*Она входила в калитку один раз, а биений сердца до этого я испытывал не менее десяти. Я не лгу*», – и далее: «*Оно даже и не переставало стучать до тех пор, пока без стука, почти совсем бесшумно, не равнялись с окном туфли с черными замшевыми накладками-бантами, стянутыми стальными пряжками*». Как видим, чувство эстетического восхищения изяществом туалета роковой женщины выражено имплицитно. Развитие этой темы респонденты отмечали как один из основных моментов развязки действия. При этом позволяется стучать, то есть проявлять свои эмоции, только сердцу, но ни в коем случае не каблучкам Маргариты, чтобы не вспугнуть счастье. Радость встречи, предвкушение тонкой любовной игры чувствуется в заключительном абзаце: «*Иногда она шалила, и, задержавшись у второго оконца, постукивала носком в стекло. Я в ту же секунду оказывался у этого окна, но исчезала туфля, черный шелк, заслонявший свет, исчезал, – я шел ей открывать*».

Особый экспрессивный и прагматический эффект данного текста достигается за счет неожиданности разворачивающихся событий, точнее, несоответствия очевидно негативно эмоционально окрашенной экспозиции, последующей эксплицитно-позитивной кульминации и имплицитно-позитивной развязки. Возможно, М. Булгаков, признанный психолог и философ, непревзойденный знаток душ человеческих, утверждает спасительную миссию настоящей Любви, приходящую к достойному человеку в последний миг беспредельного отчаяния, за которым уже бездна бездуховности, безверия, смерти. Однако чувство это не воспринимается героями как подарок Господа или Рока, как некая данность, экзистенция. Его всеподавляющая сила губительна: это «*убийца*», напавший в переулке на двух людей и поразивший их, заранее готовых добровольно сдаться, подчиниться. Автор готовит читателей к тому, что герои будут наказаны за свое легкомысленное желание быть счастливыми во что бы то ни стало, любой ценой. Любовь здесь не только Дар, но и Возмездие. Поэтому не

приходится утверждать, что любовь вообще и значение данного текста «о любви» можно трактовать как имеющие однозначно положительную эмоциональную окрашенность. Однако вожделенность, мифологически закрепленная в сознании человечества запретная сладость этого чувства как смысла бытия дает нам право рассматривать этот отрывок из романа М. Булгакова в качестве эмотивного текста с превалированием имплицитных средств выражения положительной эмотивной направленности. Следует отметить также, что главы, посвященные теме любви Мастера и Маргариты, являются своеобразными лирическими отступлениями в сатирическом по своему пафосу романе Булгакова: в них нет ни малейшего намека на обличающий или даже просто комический подход к изображению «нереальной действительности».

Композиция данного отрывка из романа соответствует законам жанра, в котором выдержано повествование. Как и любая классическая драма, этот контекст имеет пятиактное строение: завязка-интрига (описание Маргариты с желтыми цветами), развитие интриги (знакомство Мастера и Маргариты), кульминация драматических событий (осознание Мастером чувства любви и его вербализация), спад действия (повествование о постоянстве встреч героев) и развязка (ожидание Мастером прихода Маргариты и её появление). В отрывке из повести М. Булгакова «Роковые яйца», анализ которого был представлен выше, выделяются соответственно эти же пять частей сюжетно-композиционной структуры: описание обстановки событий как эмоциональной пресуппозиции, развитие трагических событий (появление чудовища), кульминация (действия героя по предотвращению неминуемой катастрофы), спад напряженности (нападение Змеи на Маню) и развязка (страшная смерть Мани и описание состояния Рокка как свидетеля этого ужасного события). Следует отметить сходство и в характере эмоционально-семантической и символической наполненности данных композиционных отрезков: в этих таких разных, на первый взгляд, и по знаку эмоциональной направленности, и по прагматическому замыслу

автора текстах завязка и развитие действия имеют обобщенный амбивалентный смысл: неясно, в каком направлении будут развиваться события и как их следует оценивать, как к ним относится сам автор. Если здесь и присутствует эмотивная оценка, то она сугубо имплицитна, она скрыта в подтексте и подвержена разночтениям.

По результатам статистического анализа, в данном тексте представлены 17 эксплицитных эмотивных синтаксических конструкций: из них 7 – глагольных эмотивных конструкций (ГЭК), выражающие положительные эмоции и эмоциональные состояния; 3 – ГЭК с амбивалентной эмотивностью; 2 – с отрицательной окраской выражаемого эмоционального состояния. 4 глагольно-адвербативных ЭК представлены только предикатами с амбивалентной и отрицательной эмотивной окраской. Подлежащее-эмотив представлено только двумя случаями. В тексте присутствует одна адвербативная конструкция с амбивалентным выражением эмоции, но не представлены положительные и отрицательные адвербативные ЭК. Остальные виды эмотивных синтаксических конструкций с эмотивами в функции предикатов, формирующих эмотивный текст, отсутствуют. Следует отметить, что общее количество выражаемых эмоциональных модусов – 79 при общем количестве предикативных центров (115). Таким образом, в данном стимульном эмотивном тексте следует выделить 62 имплицитных синтаксических приемов выражения эмотивности. Коэффициент эмотивной предикативности данного текста составляет 68,69%.

Междисциплинарный анализ художественного текста с эксплицитным выражением негативной эмотивной семантики

Отрывок из романа Ф. Достоевского «Униженные и оскорбленные» [137] рассматривался нами в ходе эксперимента как стимульный текст с превалированием эксплицитно отрицательных эмотивных синтаксических конструкций. Канвой сюжетной линии является разговорный дискурс:

большую часть объема данного стимульного текста занимает диалог мещанки Бубновой, «контекстуальной» героини данного отрывка из романа, и главным героем всего романа, Иваном Петровичем. Отметим, что автор выделяет идейное противопоставление этих героев: с одной стороны – бесхитростный, справедливый человек – «правдоискатель», готовый помочь ближнему в трудную минуту, с другой – опасный враг, носитель злого начала, «мегера», истязающая невинное и беззащитное создание – Елену. Однако композиция отрывка построена таким образом, что авторские характеристики даны неявно, завуалировано, могут быть выведены посредством читательских оценок речевого поведения героев лишь в конце текста.

По типологии, предложенной В. П. Беляниным, данный текст можно отнести к «смешанному», а именно к «печально-простому» типу, однако с определенной степенью относительности, поскольку доминирующими, ключевыми эмоциями и эмоциональными состояниями, определяющими направленность данного текста, являются гнев, злоба, ненависть, презрение с одной стороны, и одиночество, беспомощность, печаль, тоска – с другой. Фактором, на основании которого можно говорить об отнесенности данного текста к вышеупомянутому типу, является доминирующая семантика негативно-пассивного мироощущения в идейно-тематической структуре текста: жизнь тяжела, неприятна и изнурительна, полна страданий и протекает в замкнутом пространстве одиночества и безысходности, из которого нет выхода. Протест главного героя на фоне подобного миропонимания выглядит как нечто неестественное, не имеющее реальной основы и заранее обреченное на неуспех.

Экспозиция тематически и композиционно целостного отрывка из романа, рассматриваемого нами как самостоятельный «рассказ», соответствует жанровым особенностям авантюрно-детективного романа: «*...На дворе ...раздался пронзительный женский визг и затем ругательства*». Таким образом вводится интрига. Эмоциональное описание

главной героини данного фрагмента романа – Бубновой – дано в восприятии рассказчика: «*Я заглянул в калитку; на ступеньке деревянного крылечка стояла толстая баба, одетая как мещанка, в головке и в зеленой шали. Лицо её было отвратительно-багрового цвета; маленькие заплывшие и налитые кровью глаза сверкали от злости*». Негативная эмотивная семантика передается не только посредством экспликации «непрестижного» социального положения, но и посредством символики цвета. Агрессивность цветовой дисгармонии (сочетание «*зеленой шали*» и «*отвратительно-багрового лица»*) подчеркивается и эмоциональной кинемой «*маленькие заплывшие и налитые кровью глаза сверкали*» с каузативным вторичным предикатом «*от злости*». Действительно, по всем логико-психологическим законам физиогномики, сложно ожидать от личности с подобными паттернами лицевой экспрессии позитивных действий. Положение Бубновой далее еще более отягощается авторским описанием: «*Видно было, что она нетрезвая, несмотря на дообеденное время*». Драматическое развитие действия не заставляет себя ждать: «*Она визжала на бедную Елену, стоявшую перед ней в каком-то оцепенении с чашкой в руках*». Здесь пассивно-угнетенное состояние жертвы агрессии выражено предложно-именной ЭК с эксплицированной негативной семой.

Последующий отрывок текста, описывающий свидетелей этой сцены, был нами изъят из стимульного контекста с целью устранения избыточного семантического осложнения. Свидетели этой сцены: «*бедно одетая женщина средних лет*», «*дряхлый старик и девушка*», «*полурастрепанное, набеленное и нарумяненное женское существо*», «*рослый и дюжий мужик, вероятно, дворник*» – занимают в ней пассивную позицию и ни одной их реплики мы не услышим. Поэтому вполне правомерным представляется выведение этих субъектов за рамки данной эмотивной ситуации с целью достижения более выраженного эмпатического эффекта: индифферентное поведение группы наблюдателей могло привести по принципу «заражения»

социально нормативными поведенческими интенциями к автоматической нейтрализации отношения респондентов к происходящему в этой сцене.

Пространная речь мещанки Анны Трифоновны воспринимается респондентами особенно эмоционально благодаря неожиданному сочетанию анадиплозиса междометия с традиционно положительной эмоциональной валентностью, но в контексте эксплицирующего негативную эмосему, и амплификации субстантивных предикатов с ярко выраженной инвективной семантикой (*– Ах ты, проклятая, ах ты, кровопивица, гнида ты этакая! – визжала баба, залпом выпуская из себя все накопившиеся ругательства, большею частью без запятых и без точек, но с каким-то захлебыванием, так-то ты за мое попеченье воздаешь, лохматая!*). При этом под анадиплозисом мы понимаем фигуру речи, состоящую в повторении слова или словосочетания в начале или конце фразового единства, следующих друг за другом, а под амплификацией – стилистическую фигуру, состоящую в накоплении синонимов с семантикой нарастающей выразительности, эмоционально усиливающих определенное определение или утверждение. Первые три инвектива в данной прямой речи Бубновой можно полноправно рассматривать как синонимы с нарастающей семантикой негативной литоты.

В текстах бесед после предъявления данного текста были отмечены неоднозначные варианты интерпретации респондентами семантики ругательств, которые «изрыгает» Бубнова. Большинство респондентов отмечают тематическую близость этих инвективов по их ассоциативной связи с представителями животного и растительного мира, приносящими человеку много неприятностей: «*гнида этакая*», «*лупоглазая гадина*», «*гниль болотная*», «*пиявка*», «*змей гремучий*», «*стерьва*», «*облизьяна зеленая*», «*поганка*», «*семя крапивное*». Другой ассоциативной группой субстантивных инвективов являются наименования субстанций потустороннего мира, нечистой силы: «*лохматая*» (явно характеристика какого-либо чудовища), «*идол проклятый*», «*упорная сатана*», «*изверг*». И,

наконец, в третью группу входят оценочные номинации бедной Елены, связанные с негативными установками по отношению к определенным социальным группам установками: «*распутница*», «*цыганка*», «*фря этакая*», «*маска привозная*». Отдельное место в данном контексте отведено автором инвективу с затемненной этимологией, приобретающий в данном контексте негативную семантику, дополнительно транслируемую звукописным стечением шипящих («*черная шпага французская*»), и существительное «*яд*», употребленное в данном контексте без какого бы то ни было вспомогательного определения-интенсификатора, однако в конце градационного ряда инвективов (*К кому ты ходишь, идол проклятый, лупоглазая гадина, яд!*), что дает возможность говорить о семантической избыточности данного инвектива, ассоциирующегося с образом однозначно деструктивного явления, «убийцы», грозящего смертью всему живому.

Характерно, что почти все эти субстантивные инвективы употребляются в синтаксической функции обращения (Бубнова ни разу не называет девочку Елену по имени), что придает им еще большую значимость в экспрессивно-эмотивном плане. Однако интересным представляется тот факт, что многие респонденты отмечали, что ругательства-инвективы естественно воспринимались ими как самостоятельные предложения. Деструктивное влияние негативных эмоций на синтаксическое структурирование фразы приводит как к семантическим, так и структурным сдвигам: инвективы, утрачивая традиционную синтаксическую «бесфункциональность» обращений, обретают в восприятии респондентов исследования семантическую пропозициональную наполненность и как следствие – функцию главного члена предложения. При интерпретации содержания текста испытуемые выделяют прежде всего эти субстантивные аффективы с сугубо негативной эмоциональной семантикой как наиболее запомнившиеся, иногда упуская из вида, «забывая» непосредственно сюжетно-композиционные моменты текста. Следовательно, можно рассматривать эти эксплицитные эмотивы

как тема-рематические составляющие всего текста; ими начинаются и ими же заканчиваются все основные тематические отрезки данного текста. Эмоциональные эпитеты служат, по закону семантического согласования, подкреплению негативного значения субстантивных инвективов, создавая порой впечатление семантической избыточности, что неоднократно было отмечено респондентами. Как высказался один из респондентов по поводу речи Бубновой, пестрящей изощренными инвективами, «это уже слишком».

В комментарии автора-рассказчика при прямой речи сочетаются метафорическое выражение «*без запятых и без точек*» и вербализованный элемент аудиального восприятия речи Бубновой «*с каким-то захлебыванием*». Последняя часть этого предложения впечатляет нестандартной дистрибуцией книжной лексики высокого стиля и просторечного инвектива (*...Так-то ты за мое попеченье воздаешь, лохматая!*). Ругательства Бубновой перемежаются эмоциональными апеллятивами, в которых «носителем эмоций» является непосредственно тело. Так, Елена, по словам Бубновой, покушается на жизнь, этой «*почтенной женщины*»: «*Сердце мое чувствовало, что улизнет. Ныло сердце мое, ныло! Кровь она у меня в эти два месяца выпила, белое тело мое поела!.. Сердце мое надрывает! Да она меня чуть в гроб сегодня не уходила! ...Сердце мое предчувствовало, ныло оно, ныло, ныло-ныло!»* Как видим, неоднократный повтор в разных тематических фрагментах данного текста глагольного предиката с эксплицированной эмотивной семой «тревога» употребляется автором для выражения лицемерного умышленного нагнетания Бубновой напряженной, мрачной, «душной» атмосферы.

Автор выражает свою эмоциональную оценку поведения Бубновой не только посредством речевой характеристики. Например, вторая и третья части речи Бубновой вводятся словами автора, который именует Бубнову не иначе, как «*разъяренная баба*» и «*разъяренная мегера*». При этом в первой части отрывка видим номинацию «баба», а в заключительной, кульминационной, автор характеризует Бубнову только неоднократно

повторяющимися субстантивными подлежащими-эмотивами с интенсивной негативной семантикой – «*фурия*». При рассмотрении сюжетной канвы этого отрывка из романа Достоевского обращает на себя внимание тот факт, что автор пользуется принципом семантической градации и при расположении в речи Бубновой аргументов-обвинений, которые бросает Бубнова «*своей бедной жертве*». Бессмысленность, алогичность, бессодержательность обвинений в адрес Елены в начале речи Бубновой (*За огурцами послали ее, а она уж и улизнула! За огурцами в лавочку ее послала, а она через три часа воротилась!*) постепенно сменяются вполне понятными аргументами, объясняющими суть «вины» несчастной девочки перед «*разъяренной бабой*»: «*Где была? Куда ходила? Каких покровителей себе нашла? Кому, семя крапивное, жаловалась, кому на меня доносила?*» Наслоение вопросительных предложений с нарастанием всеобъемлющей отрицательной семантики создает дополнительный эмоционально-экспрессивный эффект.

В первой части, когда Бубнова дает себе волю в выражении неприкрытой бесноватой злобы, не содержится мотиваций такого её поведения, поскольку «мегера» чувствует свою безнаказанность и полную неконтролируемость своих действий. Употребление «животных» инвективов дает понять, что не будет предела её пресыщенным издевательствам над девочкой. Однако крайнее пренебрежение, с которым Бубнова отзывается о Елене, автоматически переносится на саму «мегеру», вызывая у респондентов «чувство невыразимой гадливости»: «*Да как она смеет*!» Когда внезапно появляется свидетель, Бубнова резко меняет тактику линчевания, поскольку аргументы, узаконивающие такие беспрецедентные действия, просто необходимы: «*И разъяренная баба бросилась на бедную девочку, но, увидав смотревшую с крыльца женщину, жилицу нижнего этажа, вдруг остановилась и, обращаясь к ней, завопила еще визгливее прежнего, размахивая руками, как будто беря её в свидетельницы чудовищного преступления её бедной жертвы*». Главным

«пунктом» обвинений, предъявляемых Бубновой Елене, является её «*черная неблагодарность*», вызывающая в «*разъяренной бабе*» шквал гнева. Повествуя о своих злодействах, «*разъяренная баба*» явно бахвалится ими и упивается рассказом о способах постоянных и неоднократных экзекуций Елены: с психологической точки зрения здесь можно выделить явно садистские тенденции в психике героини (*Вчера ввечеру все вихры ей за это оттаскала... Ну, отвела тогда душу над ней, исколотила ее, так ведь я лекаря потом призывала, ему деньги платила. Сами слышали, добрые люди, как я вчера её била, руки обколотила все об нее*). Ухищрения Бубновой в унижении и оскорблении ненавистного ей беззащитного, но гордого существа не имеют разумного предела (…*Чулки, башмаки отняла, не уйдет, на босу ногу, думаю; а она и сегодня туда!*) и обусловлены осознанием Бубновой своей полной безнаказанности: «*А ведь задавить тебя, гнида ты этакая, так только неделю молока не пить, всего-то наказанья за тебя только положено!*»

Предварительно «исколотив» девочку, Бубнова придумала новое наказание: «*полы мыть её заставила*». За этим следует негативная эмоциональная оценка поведения Елены: «*Что ж бы вы думали: моет! Моет, стерьва, моет! Горячит мое сердце, – моет!*». Таким образом, введение апеллятивной глагольной конструкции, выражающей имплицитное эмотивное значение целого спектра эмоций (удивление, возмущение, гнев), позволяет акцентировать причину такой негативной оценки, а также состояния Бубновой («*горячит мое сердце*»), отрицательная эмоциональная окраска которого эксплицируется под влиянием общей семантики контекста, поскольку глагольный предикат в составе метафорического выражения следует рассматривать как амбивалентный в плане оценочного модуса эмотивной семантики: сердце может «горячить» не только ненависть, но и любовь.

Все респонденты отмечают, что «аргументация» Бубновой совершенно изуверская, «иезуитская» («*Да без меня ты бы на улице с голоду*

померла. Ноги мои должна мыть да воду эту пить, изверг, черная шпага французская. Околела бы без меня!»), а зачастую и откровенно преступная с точки зрения общечеловеческих нравственных законов («*Не хочу, чтоб против меня шла! Не делай своего хорошего, а делай мое дурное, – вот я какова!*»). По мнению многих респондентов, степень цинизма Бубновой совершенно не осознается ею: похоже, что это норма ее поведения и стандарт ее отношения к миру. Участники эксперимента высказывали единодушное возмущение следующими излияниями Бубновой, которые она приводит в качестве своего «оправдания»: «*Мать издохла у ней! Сами знаете, добрые люди: одна ведь осталась, как шиш на свете!*» Употребление грубых просторечий с эксплицитной негативной семантикой в таком трагическом контексте обратило на себя внимание почти всех девушек-респондентов. Лицемерное употребление Бубновой обращений-эмоциональных апеллятивов с положительной семантикой («*добрые люди*», «*бедные люди*», «*милая ты женщина*») обладает суггестивно-устрашающим значением: Бубнова стремится не столько привлечь на свою сторону свидетелей этого преступления против ребенка, сколько продемонстрировать полноправность, законность своих оценок, действий и поступков. Абсурдность ситуации выражена автором посредством того, что в качестве своих заступников Бубнова называет в одном ряду Николая Угодника и «*частного пристава Андрона Тимофеича*» («*…дай, думаю, хоть для Николая-то Угодника потружусь, приму сироту*»).

Все три тематических отрезка речи Бубновой являются своеобразной эмоциональной пресуппозицией кульминационных событий. Так, вынесение предложно-именной части составного эмотивного предиката в абсолютное начало предложения и прием инверсии позволяют автору достичь максимального экспрессивного эффекта при описании безобразного припадка бешенства «*пьяной бабы*»: «*И в исступлении она бросилась на обезумевшую от страха девочку, вцепилась ей в волосы и грянула ее оземь*». Градационный ряд однородных глагольных предикатов с

эксплицитной (предложно-именная ЭК «*в исступлении бросилась*») и имплицитной эмотивной семой («*вцепилась*», «*грянула оземь*») создает впечатление внезапности и неотвратимости этого акта агрессии как почти природного стихийного явления: по образному выражению одного из респондентов, «это похоже на бурю в пустыне».

Состояние бедной Елены передается автором при помощи определения, выраженного сочетанием причастного эмотивного актанта «*обезумевшую*» со вторичным предикатом – каузатором данного эмоционального психического состояния («*от страха*»). Казалось бы, бешенство «*фурии*» достигло своего предела, однако последующий контекст свидетельствует об обратном: «*Чашка с огурцами полетела в сторону и разбилась; это еще более усилило бешенство пьяной мегеры*». Как видим, для автора особенно значимым является несоответствие между высокой степенью негативного эмоционального состояния Бубновой и несущественностью, ничтожностью причины, которая его вызывала. Имплицитно выраженная оценка жестоких действий Бубновой подчеркивается введением в текст эмотивно насыщенных элементов, подчеркивающих беззащитность и вынужденную пассивность объекта агрессии: «*Она била свою жертву по лицу, по голове, но Елена упорно молчала, и ни одного звука, ни одного крика, ни одной жалобы не проронила она, даже и под побоями*». В этом контексте уточняющий оборот «*даже и под побоями*» служит интенсификатором при описании достойного поведения Елены в такой ужасной обстановке. Такой прием, как введение эмотивного анадиплозиса и полисиндетона (многосоюзия) еще более усиливает впечатление предельного накала страстей. В беседе после предъявление данного текста многие респонденты указали на то, что ими была отмечена предельная надрывность, неестественность реакции Елены на такое унижение, что можно объяснить только её шоковым состоянием. Один из респондентов так описал свое впечатление о содержании данного отрывка текста: «Было ощущение, что должно случиться что-то ужасное».

Респонденты отмечали, что совершенно естественным выглядит поступок Ивана, к которому его побудили чувства: «*Я бросился на двор, почти не помня себя от негодования, прямо к пьяной бабе*».

Автор подчеркивает, что Бубнова знает надежный способ защиты от посягательств на свой авторитет: когда в ход событий вмешивается Иван, рассказчик, который до сих пор был только безмолвным свидетелем, «гадкая баба» сразу переходит в наступление, обрушивая на него шквал обезоруживающих «аргументов», устраивает едва ли не допрос с пристрастием, формулирует «состав» его преступления, не забыв при этом воззвать к заступнику-Иисусу (*– Господи Иисусе! завопила фурия, – да ты кто таков навязался! Ты с ней пришел, что ли? Да я сейчас к частному приставу! Да меня сам Андрон Тимофеич как благородную почитает! Что она, к тебе, что ли, ходит? Кто такой? В чужой дом буянить пришел. Караул*!).

Одобрительная оценка автором поступка героя романа выражена эксплицитно как в семантике лексических единиц, так и в характере синтаксиса прямой речи и собственно слов автора (*– Что вы делаете? Как смеете вы так обращаться с бедной сиротой! – вскричал я, хватая эту фурию за руку… Как вы смеете так тиранить бедного ребенка?*). Контрастность «высокой», книжной эмотивной лексики в прямой речи Ивана Петровича («*вскричал*»; «*Как смеете тиранить*?») и просторечной у Бубновой («*завопила*») семантически подкрепляется особенностями эмотивного синтаксиса обоих конфликтующих героев. В этом контексте автором используются такие средства, как: инверсия (*Как смеете вы*!), передающая особо интенсивную эмоцию справедливого негодования Ивана; эвфемизм – адъективный эмотивный предикат (*Вы безжалостная*...) – вместо вполне уместного более стилистически сниженного варианта; парцеллированность разговорных синтаксических конструкций в речи Бубновой. Все эти средства служат эксплицитному выражению столкновения, открытого конфликта эмоций благородного возмущения,

негодования, с одной стороны, и всепоглощающей злобы, тотальной ненависти – с другой. Ф. М. Достоевский отмечает характерную невербальную реакцию Бубновой («*подпершись руками в боки*») на реплики Ивана, которую вполне однозначно следует трактовать как проявление наступательного агрессивного поведения.

Характерно, что, отвечая на вопрос постстимульной беседы («Как вы оцениваете поступок Ивана Петровича?»), респонденты воспринимают Ивана не просто как представителя более высокого, дворянского сословия, а значит, и как человека, обладающего более весомыми, юридически закрепленными социальными полномочиями, дающими возможность вступиться за оскорбляемую девочку без неприятных последствий для себя. Респонденты отмечают, что речь Ивана более правильная, «плавная», «соответствует синтаксическим нормам». Респонденты отмечают, что эмоциональный эпитет «*бедная*», повторенный трижды, впервые встречается именно в речи Ивана. При этом степень эмпатии респондентов в восприятии описываемой автором романа конфликтной ситуации достаточно высока: подавляющее большинство обучающихся выделяют именно высоконравственные общечеловеческие качества Ивана Петровича как человека, благородного в полном смысле этого слова.

При ответе на вопрос беседы после предъявления данного эмотивного текста: «Как бы вы поступили на месте героя романа?» – почти все девушки-респонденты выразили желание и готовность повторить поступок Ивана, юноши же были более осмотрительны, объясняя непредсказуемость своей реакции «конкретными объективными жизненными обстоятельствами». Таким образом, можно сделать вывод, что эмоциональная реакция девушек в этой эмотивной ситуации более непосредственна и эмпатична, чем у юношей, которые не спешат идентифицировать себя с героем произведения и вникать в мотивы его «не слишком логичного» поступка. Их эмоциональная реакция связана в основном с исключением вероятности вообще попасть в такую «нелепую» ситуацию.

Развязка событий, описываемых в данном фрагменте романа Ф. М. Достоевского, как отмечают респонденты, «вполне предсказуемая» для поведения Бубновой, которая «*бросилась… с кулаками*» на Ивана Петровича. Глубокий символический смысл имеет, на наш взгляд, зеркальный принцип композиции завязки и заключительной части отрывка: здесь опять звучит крик, но теперь он принадлежит не угнетательнице, а жертве (*Но в эту минуту вдруг раздался пронзительный, нечеловеческий крик. Я взглянул, – Елена, стоявшая как без чувств, вдруг со страшным, неестественным криком ударилась оземь и билась в страшных судорогах. Лицо ее исказилось. С ней был припадок падучей болезни*). Отметим сходство употребления в этом контексте определения «*пронзительный*» с имплицитной эмотивной семой и обстоятельства-интенсификатора «*вдруг*» с контекстом вступительной части: та же внезапность и чрезвычайная интенсивность проявления эмоционально-психического состояния. Однако, уже зная эмоциональную пресуппозицию концовки данного отрывка из романа, респонденты отмечали категорическое семантическое различие состояний Бубновой в начале и Елены в конце текста. Определения-эмотивы «*нечеловеческий*», «*страшный, неестественный*», транслирующие впечатление от крика Елены, настораживают и приводят к мысли о возможности ее психического нездоровья, а эмотивные глагольные предикаты, эксплицирующие уже клинические симптомы психической болезни («*ударилась оземь и билась в страшных судорогах*») непосредственно подтверждают это предположение. Нераспространенное предложение с семантикой эмоциональной кинемы («*Лицо исказилось*») без обычного в таких синтаксических конструкциях вторичного предиката (от гнева, от ужаса) не оставляет сомнения в том, что Елена доведена до крайней степени безумного отчаяния: «*С ней был припадок падучей болезни*».

Бубнова реагирует на эту страшную для непосвященного человека сцену совершенно цинично: «*А хоть издохни, проклятая!*» При этом

Бубнова не забывает о своей основной агрессивной «задаче» и исправляется с ней блестяще: «*Вон, маклак! – и она снова бросилась на меня*».

По результатам синтаксического анализа данного отрывка из романа Ф. М. Достоевского, выявлено 156 грамматических основ, 98 из которых обладают эмотивной семантикой. Таким образом, коэффициент предикативной эмотивности данного текста составляет 62,82%. Наиболее многочисленную группу эмотивных синтаксических конструкций представляют глагольные эмотивные конструкции (ЭК): всего 48 глагольных предикатов, из которых 17 предикатов эксплицитно выражают негативные эмоции и 29 – имеют имплицитную негативно-эмотивную сему. Следует отметить, что ЭК данного морфолого-синтаксического типа, транслирующие позитивную и амбивалентную эмотивную семантику, почти не представлены в данном контексте (выделена только 1 глагольная ЭК с эксплицитно позитивной эмотивной семантикой и глагольная ЭК с семантикой амбивалентной эмотивности). При этом в рассматриваемом стимульном эмотивном тексте отмечено наличие эмотивных глагольных словосочетаний в качестве предикатов (5 глагольных ЭК с эксплицитно негативной семантикой и 2 ЭК – с имплицитно негативной), а также 3 «комбинированные» глагольные ЭК: 1 глагольно-именная ЭК и 2 глагольно-адвербативные ЭК.

На втором месте по численности в данном отрывке из романа стоят субстантивные конструкции (22 выделенных ЭК), при этом следует отметить, что все они содержат эксплицитную негативно-эмотивную сему: в контексте выделена только 1 субстантивная ЭК с имплицитным выражением позитивной эмотивной семантики. Адъективные ЭК составляют третью по численности группу: это 16 ЭК, из которых 1 конструкция обладает эксплицитно негативной семантикой, 2 – имплицитно негативной и 3 – имплицитно амбивалентной. В тексте представлена также ЭК с эксплицитно эмотивным вторичным предикатом, также негативным по знаковой отнесенности выражаемой эмоции. В данном стимульном тексте

полностью отсутствуют предложно-именные и собственно адвербативные ЭК, однако отмечено наличие эмотивов-подлежащих: 3 – с экспликацией семантики негативной эмотивности и 5 – с её импликацией.

Интересным представляется тот факт, что в этом тексте, представляющем разговорный дискурс, почти не отмечено междометий, и в том числе эмотивных (только 2 случая с негативной семантикой). Остальные эмотивные модусы выражены стилистико-интонационными средствами, при помощи специализированных риторических фигур, либо посредством второстепенных членов предложения (17 случаев), из которых ведущая роль отводится нераспространенным эмотивным определениям, выраженным прилагательными, и таким осложнителям предложения, как причастный и деепричастный обороты.

Превалирование в данном тексте эмотивных синтаксических конструкций вышеуказанного типа дает возможность рассматривать данный текст как эмотивный с эксплицитно выраженной негативной эмотивностью.

Интерпретация образной системы художественного текста в аспекте эксплицирования позитивной эмотивной семантики

В качестве стимульного материала нами был выбран также отрывок из романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев». Характер эмотивных синтаксических конструкций, составляющих структурную и семантическую канву данного фрагмента позволил нам трактовать его как ЭТ с эксплицитной условно-позитивной эмотивной семантикой.

Литературная репутация романа как ярко юмористического и даже сатирического дает возможность прогнозировать прагматику данного отрывка как направляемую «веселой» эмоционально-смысловой доминантой. В соответствии с психолингвистической типологией художественных текстов, предложенной В. А. Белянiным, по вышеуказанному признаку, «веселые» тексты описывают поведение

преуспевающего человека, который сталкивается с препятствиями, успешно преодолевает их и достигает высшей степени успеха. В качестве эпиграфа к «веселым» текстам автор типологии предлагает высказывание: «Вся жизнь – игра».

Отметим, что это положение можно считать соответствующим не только идейно-тематической направленности данного отрывка, но и всего романа. Характерным является допущение наличия в текстах подобного типа эмотивов не только позитивной семантики, но и негативной.

В качестве эмотивной пресуппозиции в данном ЭТ выступает своеобразный тезаурус главной героини этой главы романа – Эллочки Людоедки. Начало главы выдержано, казалось бы, в строго научном стиле: здесь дается статистическая информация относительно количества слов в лексиконе некоторых носителей языка (*Словарь Вильяма Шекспира, по подсчету исследователей, составляет 12 000 слов. Словарь негра из людоедского племени Мумбо-Юмбо составляет 30 слов*). Как видим, в данном контексте автором не употреблено ни одной эмотивной конструкции. Однако особый экспрессивно-комический эффект достигается за счет сравнения таких совершенно несопоставимых феноменов, как гениальный классик мировой литературы Вильям Шекспир и почти несоциализированное и нецивилизованное существо – негр из «*племени Мумбо-Юмбо*». Эмоционально-комическая семантика эксплицируется посредством и фонетического звукописного оформления названия племени: настолько оно «*смешно и нелепо*», как отмечают респонденты. Нисходящий градационный статистический ряд завершает Эллочка Щукина, которая «*легко и свободно обходилась тридцатью* [словами – И. Л.]». Несложно уловить иронию в семантической игре числительными: оказывается, что интеллектуальный уровень эллочек приблизительно равен мумбо-юмбовскому. Далее следует совершенно уничижительная фраза, в которой авторский сарказм выражается посредством совмещения в рамках единого ряда однородных членов разноуровневых лингвистических понятий, когда

приводимая лексика сопровождается слегка издевательской характеристикой, которую автор дает языковым предпочтениям Эллочки Щукиной: «*Вот слова, фразы и междометия, придирчиво выбранные ею из всего великого, многословного и могучего русского языка*». Отсутствие развитой языковой компетенции у Эллочки авторы выражают посредством совмещения в рамках одного определительного оборота словосочетания «*придирчиво выбранные ею*» (вспомним, что этих слов всего лишь 30) и перифраза знаменитого тургеневского «Русского языка» – «*...из великого, многословного и могучего русского языка*». Нужно отметить, что авторы романа добиваются поставленной прагматической цели: все респонденты не могут простить Эллочке такого издевательства над родным языком. Как отметил один из респондентов в стимульной беседе после предъявления данного текста, «таких субъектов речевой деятельности нужно изолировать от общества».

Наконец, следует долгожданный перечень «словарь» элементов лексикона Людоедки, которые расположены не в алфавитном порядке, как это подразумевает строго научная лексикографическая классификация, а, вероятно, в порядке убывания семантической значимости и частотности их употребления конкретным носителем языка, то есть Эллочкой. Следует отметить, что некоторые «словарные статьи» вообще не имеют разъяснения, в то время как другие сопровождаются либо ситуативным семантическим толкованием (*2. Хо-хо! (Выражает, в зависимости от обстоятельств: иронию, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность)*), либо указанием возможного адресата данного языкового элемента (*12. Поедем на извозчике. (Говорится мужу); 13. Поедем в таксо. (Знакомым мужского пола)*), либо замечаниями о жанровом своеобразии (*У вас вся спина белая. (Шутка)*).

Большинство респондентов отмечали, что были заинтригованы семантической интерпретацией основных компонентов лексикона Эллочки также и в плане возможного их употребления в ситуативном контексте.

Первое место в списке принадлежит глаголу с эмотивной амбивалентной семантикой «*хамите*» (*– Хамите, парниша, – лукаво сказала Эллочка*). Отсутствие в перечне словарных статей 13 элементов лексикона Эллочки Щукиной авторы романа объясняют их узко специальной функциональностью (*Оставшиеся в крайне незначительном количестве слова служили передаточным звеном между Эллочкой и приказчиками универсальных магазинов*).

Начало повествования о пафосе семейной жизни героини по своему стилю напоминает сводки с поля военных действий или битвы за урожай (*Двести рублей, которые ежемесячно получал е муж на заводе «Электро-люстра», для Эллочки были оскорблением. Они никак не могли помочь той грандиозной борьбе, которую Эллочка вела уже четыре года*…). Как видим, «в бой» снова вступает актуальная семантика числительных, включение которых в контекст, повествующий о бытовых неурядицах семьи Щукиных в высоком книжном стиле («*грандиозная борьба*», «*с полным напряжением сил*»), продуцирует яркий эмоционально-экспрессивный эффект. Следует отметить, что созданию комического эффекта в этом контексте способствует нарушение определенных логико-семантических детерминант и социальных стереотипов: приниженное положение главы семейства инженера Щукина, который, по словам респондентов, «под каблуком у жены», не соответствует общепринятому и одобряемому образцу патриархальной славянской семьи. Нами отмечено, что, как показали результаты интерпретации данного эмотивного текста респондентами обоих полов, фактическое главенство мужа в семейных отношениях, его реальная власть и приоритет принятия решений воспринимается представителями поколения Z как позитивный социально-поведенческий фактор. При этом комическую сторону страданий Эрнеста Павловича, выстроенных и описываемых в контексте данного отрывка из романа по принципу градации, видят только девушки-респонденты, однако они симпатизируют мужу героини в его бытовой непритязательности и

героическом подвижничестве во благо счастливой супружеской жизни. Приведем цитату из постстимульной беседы с одной из девушек-респондентов: «Да он просто душка: побольше бы таких мужей!» Юноши же относились к злоключениям в жизни инженера Щукина не просто серьезно, но с сочувствием, а некоторые выражали откровенное возмущение: «Нельзя так низко падать!» При этом порицанию подвергается не столько терпимое отношение Эрнеста Павловича к необходимости подрабатывать или к отсутствию прислуги, поскольку первое является непременным содержанием современных будней среднестатистической семьи в России, а второе – прерогативой быта представителей элиты, сколько молчаливое согласие героя выполнять традиционно женские функции. Так, по мнению одного из юношей-респондентов, «жарить котлеты – это скотское неуважение к себе!»

Таким образом, девушки-респонденты видят данную типовую эмотивную ситуацию в юмористическом свете, а юноши более склонны в сатирической интерпретации событий, описываемых в тексте, поскольку их эмоции более жесткие: это явно негативная оценка поведения «нахальной Людоедки», часто перерастающая в гнев. По мнению многих респондентов, правдоподобность описываемой авторами романа типичной жизненной ситуации доведена до абсурда: мещанские выходки Эллочки, вызванные желанием возвыситься в общественном статусе посредством приобретения «модных вещичек», противоречат элементарному житейскому и просто человеческому здравому смыслу. Яркая пародия на эстетические идеалы высших кругов капиталистического общества оттеняет безнадежную стереотипность и примитивизм обывательского миросозерцания как тяжелого социального порока.

Далее события развиваются в интригующе-детективной динамике. Несмотря на героические усилия мужа Людоедки, «*все было бесплодно*»: «*Опасный враг уже разрушал хозяйство с каждым годом все больше*». Многие респонденты признавались, что инкрустирование в контекст с

утилитарно-бытовой лексикой неожиданно книжного элемента «*опасный враг*» в функции подлежащего, заставило их насторожиться и вызвало чувство если не напряжения, то просто недоумения. Приведем высказывание одного из респондентов: «Какие еще враги у обычной инженерской семьи?!» Однако следующее непосредственно за этим объяснение поведения Щукиной (*Эллочка четыре года тому назад заметила, что у нее есть соперница за океаном. дочь американского миллиардера Вандербильда*...) приводит, по выражению респондентов, в основном девушек, в «состояние восторга». Юноши же отмечают нелепость ситуации и непозволительное легкомыслие Эрнеста Павловича, закрывавшего глаза на «такие глупые прихоти жены».

Все девушки-респонденты отметили, что непосредственной причиной события – эмоциональной пресуппозиции фатального диалога между мужем и женой – явилось овладение Эллочкой «*фотографиями мисс [дочери Вандербильда] в её новом замке во Флориде*». Абсурдная несопоставимость социального, материального и даже географического положения «*заносчивой Вандербильдихи*» и «*домашней хозяйки Щукиной*» призвана подчеркнуть сходство мещанской направленности их мировоззренческих стереотипов. Беззаветно преданная идее борьбы за мировое господство в законодательстве моды, Эллочка идет на преступление против своего супруга, в описании которого эмотивный эффект опять создают числительные: «*Пришлось и Эллочке обзавестись новой мебелью. Она купила на аукционе два мягких стула… Не спросясь мужа, Эллочка взяла деньги из обеденных сумм. До пятнадцатого осталось десять дней и четыре рубля*». Последнее предложение этого текстового фрагмента по своей угрожающе-бытовой тональности напоминает боевую сводку о потерях противника. Затем ирония автора эксплицитно выражается при помощи вставных конструкций с указанием на значимость оценки, содержащейся в них, а также посредством последовательного приведения восклицательных конструкций. В последующем контексте ирония автора

уже неуловимо перерастает в откровенную издевку: здесь словно слышатся голоса соседок-кумушек, обожающих позлословить, посудачить на тему Эллочкиных успехов в приобретательстве (*Эллочка с шиком провезла стулья по Варсонофьевскому переулку*). Возможность проявления какого бы то ни было «шика» не где-нибудь, а именно в этом переулке со смешным провинциальным названием, способна вызвать грустно-саркастическую улыбку. Мы уже почти сочувствуем Людоедке, предвидя реакцию мужа-инженера на её такой эмоциональный поступок, продиктованный стремлением удовлетворить свои высокие эстетические запросы: «*Мужа дома не было*». Однако авторы романа тут же развеивают наши опасения в вероятности кровавой расправы: «*Впрочем, он скоро явился, таща с собой портфель-сундук*». Мы понимаем, что таскать «*портфель-сундук*», набитый, скорей всего, заказами на «*вечернюю работу*» и фаршем для потенциальных котлет, чудовище и изверг не способен.

Реплика-реакция Людоедки на появление супруга (*– Мрачный муж. пришел, – отчетливо сказала Эллочка*) включает эмотивный составной предикат (структурная схема N1 Vf cop Adj st) с амбивалентной семантикой именной части: Эллочка еще не имеет представления о настрое мужа и поэтому выбирает относительно нейтральное выражение. Вспомним, что в тезаурусе Эллочки, приведенном авторами романа в начале анализируемого нами отрывка, данный эмотив действительно имеет имплицитную помету «*нейтральное*» (*4. Мрачный. (По отношению ко всему. Например: «мрачный Петя пришел», «мрачная погода», «мрачный случай», «мрачный кот» и т. д.*). Интересен в данном случае феномен частичного вытеснения негативного значения семой амбивалентной эмоции, хотя некоторый оттенок отрицательной оценки сохраняется. Четкое осознание Эллочкой своей коммуникативной роли и функции передано авторами в комментарии: «*Все слова произносились ею отчетливо и выскакивали бойко, как горошины*». Нет ни малейшего сомнения в том, что Людоедка совершенно

убеждена в своей непогрешимости и поэтому занимает наступательную позицию.

«Мрачный муж» не обладает полезным талантом обходиться при общении с любимой женщиной строго ограниченным набором лексических элементов, вследствие чего его речь являет собой образец блестящего владения русским литературным языком, это речь истинного интеллигента (– *Здравствуй, Еленочка, а это что такое? Откуда стулья?*). Характерна интерпретация Щукиным имени супруги с уменьшительно-ласкательным суффиксом, выражающим, нежное, покровительственное отношение к любимому существу. Недоумение Щукина можно понять, тем более что Эллочка вовсе не собирается давать объяснения (*–Хо-хо!*) и просто упивается своей победой над ненавистной Вандербильдихой. Но дотошный муж почему-то не успокаивается (– *Нет, в самом деле?*). Эллочка не считает нужным выяснять отношения в упоительный момент своей полной и, кажется, окончательной победы; констатация состояния умиротворения эксплицируется при помощи субстантивной эмотивной конструкции с семой позитивной оценки (– *Красота!*) Спокойствие супруги словно заражает Щукина, и он выражает согласие с её эстетической позицией *(– Да. Стулья хорошие*). Судя по ответу Эллочки, вот-вот наступит семейная идиллия: «– *Знаменитые!*» Этот адъективный эмотив с эксплицитной семой абсолютизации позитивной оценки является интерпретацией адвербативной ЭК из тезауруса домохозяйки Щукиной (*3. Знаменито*).

Однако состояние обоюдного благодушия нарушается неосторожным и вполне двусмысленным вопросом Щукина (– *Подарил кто-нибудь?*) Сложно ожидать от полноценной, уважающей себя женщины, каковой и считает себя Эллочка, иной реакции, кроме презрительной реплики (– *Ого*!), отрезающей все пути к отступлению. Однако это междометие можно рассматривать как эвфемизм, поскольку более естественным для Людоедки в данной типовой ситуации было бы более яркое по степени интенсивности выражения эмоций выражение. Инженер Щукин ошеломлен признанием

супруги, но осознание главного ее преступления приходит к нему постепенно (– *Как?! Неужели ты купила? На какие средства? Неужели на хозяйственные? Ведь я тебе тысячу раз говорил...*). Супруга-людоедка не желает выслушивать такие несправедливые обвинения и нетерпеливо перебивает Щукина: «– *Эрнестуля! Хамишь!*» Как мы уже знаем из словарной статьи толкового словаря эллочкиных выражений, «*уля*» – это вовсе не уменьшительный суффикс, а «ласкательное» окончание имен, например, Мишуля, Зинуля. От нежности и ласки, изъявляемой таким образом, становится не по себе: значение имплицитно выраженной угрозы подкрепляется и глагольной ЭК с эксплицитной семой агрессивного неуважения. Вопреки всем ожиданиям муж не испугался и пытается образумить Людоедку: «– Ну, как же можно так делать?! Ведь нам же есть нечего будет!» Однако Эллочка не уступает своих позиций, а ее спокойствие – спокойствие победителя: *«– Подумаешь*!» Негодование Щукина, еще не вполне поверившего в абсурдность поступка своей супруги, в последующей реплике подкрепляется каузирующей данную эмоцию восклицательной ЭК с эксплицитным выражением негодования (– *Но ведь это возмутительно! Ты живешь не по средствам*!). Совершенно ясно, что убедить Эллочку в совершении ею преступления в отношении семейного бюджета не представляется возможным (– *Шутите!*). Взяв себя в руки, супруг не теряет надежды образумить, легкомысленную «Еленочку», хотя раздражение, проявляющееся в обращении «на вы», постепенно нивелирует восприятие им Эллочки как родного, близкого существа, нуждающемся в опеке и заботе: «– *Да, да. Вы живете не по средствам...*» Эллочка не приемлет доводов любящего супруга и продолжает идти по пути конфронтации: *«– Не учите меня жить*!)» Глагольные ЭК при этом имеют сходную по прагматической функции, но не тождественную семантику: эмотивный предикат, выраженный глаголом изъявительного наклонения в настоящем времени, служит для констатации динамически развивающейся эмоции недовольства позицией «противника» и недоверия к нему. Глагольная ЭК,

ставшая крылатым выражением, содержит предикат, первая часть которого, выраженная глаголом в повелительном наклонении (*не учите*) подчеркивает, усиливает значение инфинитива (*жить*), что эксплицирует целый спектр эмоций: от скрытой обиды и оценки противника как существа инфантильно-ограниченного до гневливой оборонительности. Желание унизить супруга, не способного понять высокие эстетические чувства, эксплицируется посредством употребления глагольного предиката в форме второго лица множественного числа. Кроме того, можно отметить и семантику гиперболизации силы противника в споре («вас» много, а я одна).

Трагикомизм положения состоит в том, что Эллочка недооценила степень гуманности своего супруга, который, кротко смирив свое самолюбие, пытается погасить страсти логическими доводами: «*Нет, давай поговорим серьезно*». Вот тут, наконец, Эллочка окончательно расставляет акценты, и оказывается, что супруги имеют расхождения по коренным мировоззренческим вопросам семейного бытия (*– Я получаю двести рублей. / – Мрак! / – Взяток не беру, денег не краду и подделывать не умею. / – Жуть*!» Как видим, субстантивные эмотивные конструкции служат для выражения явно негативной эмоциональной оценки, которую даёт Эллочка Щукина социальному и финансовому положению её супруга.

Инженер, поняв безысходность ситуации, беспомощность своей мотивации и абсолютную невозможность достучаться до сердца супруги, решается на крайний шаг: «*Эрнест Павлович замолчал. / – Вот что, – сказал он наконец, – так жить нельзя*». Согласие Эллочки выражено амбивалентным двойным междометием, впервые в тексте оформленном без восклицательного знака (*Хо-хо, – сказала Эллочка, садясь на новый стул*). Как видим, элементы невербального поведения Эллочки указывают на осознание ею покупки стульев как эпохального события, в котором она видит символ эмансипации, освобождения от рабства утлого, пошлого семейного существования и обретения долгожданной идейной свободы. Это

главное завоевание, и ради его укрепления отчаянная Людоедка способна на все.

Даже неожиданно дерзкое предложение мужа **(**– *Нам надо разойтись*) Эллочка воспринимает внешне спокойно и даже с вызовом (– *Подумаешь!*). Инженер Щукин считает нужным привести логические аргументы для такого своего радикального решения: «*Мы не сходимся характерами*». Обычная в устах Эллочки лестная похвала приобретает в данном контексте значение откровенной издевки (– *Ты толстый и красивый парниша*): эта оценочная ЭК представляет собой дистрибуцию элементов двух «словарных статей» тезауруса Эллочки (*1. Толстый и красивый (Употребляется как характеристика неодушевленных и одушевленных предметов). 7. Парниша. (По отношению ко всем знакомым мужчинам, независимо от возраста и общественного положения)*). Таким образом, в одной фразеологизированной ЭК сочетаются субстантивный предикат с суффиксом иронично-снисходительного отношения к субъекту номинации *-иш-* и эмотивные эпитеты, которые названы в последовательности причинно-следственных отношений качественно-пространственной и собственно оценочной характеристик. Рельефность, яркая очерченность, осязаемость формы объекта окружающей действительности (*толстый*), вероятно, вызывая ассоциацию чего-то понятного, доступного и неугрожающего, продуцируют в сознании Людоедки позитивную оценку (*красивый*). Респонденты неоднозначно интерпретируют семантику данной имплицитной ЭК: некоторые видят в ней выражение полупрезрительной насмешки над «испугавшимся» Щукиным, другие – своеобразный утонченный комплимент, призванный восстановить эмоциональное равновесие в сложившейся ситуации, третьи считают, что Эллочка продолжает кокетничать. Несомненным можно считать достижение эмотивно окрашенного эффекта неожиданности за счет нарушения логической связи, создания семантического диссонанса, ведь «толстый

мужчина не всегда красивый», как отмечают девушки-респонденты в ходе беседы после предъявления данного эмотивного текста.

Эмотивно-экспрессивный эффект создает прецедент угадывания почти всеми реципиентами того факта, что Эрнесту Павловичу отнюдь не понравится комплимент супруги: «– *Сколько раз я просил не называть меня парнишей!*» Одна из девушек, которая ранее не была знакома с текстом романа, отметила: «Я думала, что он сейчас ужасно вспылит». Ответ Эллочки не оставляет сомнений в том, что она не намерена отступать от избранной тактической линии: «– *Шутите!*» Кажется, только в этот момент Щукин понял, что они с женой разговаривают на разных языках: «– *И откуда у тебя этот идиотский жаргон!*» Характерно, что вопросительное по цели высказывания предложение, на что указывает его синтаксическая структура, имеет в конце восклицательный знак. Действительно, Щукин вовсе не пытается выяснить причины и истоки такой речевой развязности, даже развращенности супруги: просто его терпению пришел конец, и он пытается воззвать к голосу разума Людоедки, если таковой, конечно, у неё имеется. Супруга снова отказывается соответствовать этическим стандартам, рассматриваемым ею как ложные, и выражает динамическую эмоцию несогласия: «– *Не учите меня жить!*»

Непроизвольная реакция Щукина, кажется, превзошла все ожидания неблагоразумной супруги: инженер вышел из себя и выкрикнул, вероятно, самое неприличное в своём лексиконе истинного интеллигента: *«– О, чёрт*!» Это единственное междометие-субстантивный аффектив, выделенное нами среди языкового материала всех реплик этого героя романа. Данной эмотивной конструкцией выражено предельное отчаяние Эрнеста Павловича Щукина, вызванное осознанием необходимости оставить семью как единственно возможного выхода из создавшегося положения. Это можно рассматривать как кульминацию эмотивной ситуации: далее действие идет на спад. Но это не касается динамики эмоциональных реакций Эллочки: «– *Хамите, Эрнестуля*». Здесь

негативная оценка поведения супруга выражена более спокойно: чувствуется, что в миленькой голове Эллочки зреет какой-то мудрый план. Последующее предложение Щукина встречено междометием с амбивалентной эмоцией: «– *Ого!*» Вспомним, что в словарной статье этого элемента эллочкиного лексикона данное слово имеет чрезвычайно широкое толкование и, следовательно, неограниченные семантические полномочия (*17. Ого! (Ирония, удивление, восторг, ненависть, радость, презрение и удовлетворенность*)). Подобный спектр полисемии поражает воображение даже многоопытного лингвиста.

Следует обратить внимание на то, что инженер Щукин предстает перед нами еще и как полиглот, поскольку он свободно владеет эллочкиным диалектом «мумбоюмбовского» языка, умеет распознавать все контекстуально-семантические оттенки однотипных, на первый взгляд, элементов речи Людоедки, прекрасно понимая мысли супруги: «*Ты мне ничего не докажешь! Этот спор...*» Однако Эллочка перебивает реплику мужа совершенно безжалостным и категоричным высказыванием: «*Я побью тебя, как ребенка*». Если исходить в определении эмотивной направленности семантики данной конструкции из дефиниций, данных в «словарной статье» словаря Людоедки Эллочки (*17. Как ребенка. («Я бью его, как ребенка», – при игре в карты. Я «его срезала, как ребенка», – как видно, в разговоре с ответственным съемщиком*)), то можно выделить значение надменного превосходства по отношению к пассивному и неопасному объекту и обусловленную этим агрессивно-наступательную позицию автора высказывания; при этом не подразумевается никакой возможности сопротивления. Но Эллочка недооценила цельность характера своего супруга, категоричность эмоциональной реакции которого выражена в конструкции с адвербативным эмотивным предикатом, при этом негативное значение подкрепляется адвербативным же интенсификатором: *«– Нет, это совершенно невыносимо. Твоя доводы не могут меня удержать от того шага, который я вынужден сделать. Я сейчас же иду за*

ломовиком». Но, видимо, Эллочка все еще не верит в такую решительность Щукина: *«– Шутите!*»

Инженер Щукин, как истинный джентльмен, не опускается до склок о разделе имущества, он поистине щедр и великодушен, но Людоедка не в состоянии этого оценить: «*– Мебель мы делим поровну. // – Жуть! // – Ты будешь получать сто рублей в месяц. Даже сто двадцать. Комната останется у тебя*». Здесь мы впервые видим наличие авторского комментария к реплике Эллочки, содержащего эксплицитную ярко негативную оценочную ЭК с адвербативным предикатом: *«– Знаменито», – сказала Эллочка презрительно*». Эмоцию Людоедки, выраженную при помощи амбивалентного междометия (*– А я перееду к Ивану Алексеевичу. // – Ого*!). Респонденты вариативно интерпретируют этот фрагмент в зависимости от пола: девушки видят в нем семантику удовлетворенности и даже радости, юноши же настроены более недоверчиво и скептически и поэтому рассматривают этот аффектив как референт иронии, удивления, презрения. Вероятно, главную роль здесь сыграл психологический феномен эмпатии: девушки в своем большинстве вошли в женскую роль, а, следовательно, смотрят на ситуацию с позиции героини, а юноши сочувствуют несчастному инженеру, хотя и несколько иронизируют над ним: «Как можно допустить, чтобы тобой командовала женщина!» – так отреагировал на семантику данного отрывка один из юношей-респондентов.

Между тем Эллочка не оставляет без комментария откровения Щукина по поводу возможности его блестящего бытового обустройства после ухода от любимой супруги, когда кажется, что наступила его очередь кокетничать: (*– Он [Иван Алексеевич] уехал на дачу и оставил мне на лето всю свою квартиру. Ключ у меня. Только мебели нет. / Кр-расота! / Эрнест Павлович через пять минут вернулся с дворником. // – Ну, гардероб я не возьму, он тебе нужнее, а вот письменный стол, уж будь так добра... И один этот стул возьмите, дворник. Я возьму один из этих стульев. Я думаю, что имею на это право?!*) Многие респонденты отмечают, что при

прослушивании этого фрагмента текста «становится жалко» и Эллочку, и Эрнеста Павловича: «Они какие-то беззащитные». Девушки-респонденты так передают свое впечатление от сцены ухода инженера Щукина: «– Кажется, что это большой, но несправедливо обиженный, осиротевший ребенок» (*Эрнест Павлович связал свои вещи в большой узел, завернул сапоги в газету и повернулся дверям*).

Наконец наступает развязка: трагический момент расставания настал. Драматичность ситуации передается авторами в комментарии к реплике Эллочки (*– У тебя вся спина белая, – сказала Эллочка граммофонным голосом*). Традиционная в устах Людоедки шутка (*14. У вас вся спина белая. (Шутка)*) звучит как крик черствой, но все же души, ведь сказано это «*граммофонным голосом*». Вероятно, Щукину передалось «особенное» состояние супруги, поэтому он и обращается к ней с чрезвычайной серьезностью: «– *До свидания, Елена*». Концовка текста наполнена ироничным отношением авторов романа к Людоедке, хотя и с несколько трагическим оттенком: «Он [Щукин] ждал, что жена хоть в этом случае воздержится от обычных металлических словечек: Эллочка также почувствовала всю важность минуты. Она напряглась и стала искать подходящие для разлуки слова. Они быстро нашлись: «– *Поедешь в таксо? Кр-расота! / Инженер лавиной скатился по лестнице*».

Таким образом, в заключительном авторском комментарии особую значимость приобретают глагольные предикаты со значением амбивалентного эмоционального состояния («*почувствовала важность минуты*», «*напряглась*»), поскольку для всего текста в целом данный прием не характерен. После предъявления в качестве стимульного этого эмотивного текста почти все респонденты отмечали, что впервые за все время прослушивания данного отрывка из романа они ощутили «жалость к этому неразвитому, но все же человеческому существу», которое «не ведает, что творит». Некоторое замешательство Эллочки при подборе адекватной ситуации лексики выражает, вероятно, сомнение героини в правильности

принятого решения (наконец Эллочкина невозмутимость сдает свои позиции.). Но, собравшись с силами, Людоедка все же не изменила себе в потребности быть неотразимо эффектной светской львицей: модифицированный эмотивный варваризм «*таксо*», введенный авторами романа в такой драматический контекст, эксплицирует отчаянный вызов гражданки Щукиной жестокой жизни и несправедливой судьбе. Учитывая ситуативную семантику данной эмотивной фразеологизированной глагольной конструкции, указанную в соответствующей словарной статье (*12. Поедем на извозчике. (Говорится мужу). 13. Поедем в таксо. (Знакомым мужского пола)*), можно догадываться о том, что Эллочка в меру своего интеллектуального развития осознала фатальное значение поступка мужа, ставшего ей чужим теперь уже не только духовно, но и физически. Семантика метафорической глагольной конструкции (*Инженер лавиной скатился по лестнице*) не оставляет сомнения в том, что закончился важный этап в жизни Эллочки начался период освободительного движения в жизни Эрнеста Павловича.

В данном стимульном тексте выделено 175 предикативных центра, из них семантику эмотивного модуса имеют 123 предиката. В 91 случае значение эмотивности выражено синтактико-морфологическим способом. Коэффициент эмотивной предикативности данного текстового стимула составляет 70,2%.

Статистическое соотношение выявленных в данном контексте синтаксических ЭК с эксплицитным выражением эмотивности следующее. Наиболее равномерно распределялись по качеству знака эмотивности ЭК с предикатом, выраженным именем существительным (7 предикатов – со значением позитивного эмоционального отношения, состояния, настроя (+), 7 негативных (–) ЭК и 3 с «нейтральной» семантикой (0). Больший разброс в количестве вариантов различной знаковой семантики проявляют адвербативные (1/+, 3/–, 0/0) и адъективные (6/+, 8/–, 3/0) ЭК. Глагольные ЭК представлены в основном эмотивными предикатами с амбивалентной

эмотивностью (1/+, 3/–, 12/0), в то время как эмотивные предикаты-глагольные фразеологизированные словосочетания сбалансированно распределяются в соответствии с разными эмотивными оценочными модусами (1/+, 3/-, 3/0). Значительное количество – 15% от всех выделенных эмотивных конструкций – составляют междометные (2/+, 2/–, 7/0). Остальные типы ЭК с эксплицитным выражением эмотивного модуса в данном стимульном материале отсутствуют.

Имплицитные ЭК представлены следующими типами: субстантивные ЭК (1/+, 0/–, 1/0), адвербативные (0/+, 0/–, 2/0), адъективные (0/+, 0/–, 1/0). Наиболее многочисленными оказались глагольные ЭК со значением амбивалентной эмотивности (9 ЭК), однако глагольные предикаты с семантикой позитивного оценочного модуса отсутствуют. Следует отметить наличие в данном стимульном тексте адвербативно-глагольных ЭК, выражающих эмотивное значение негативного (1 ЭК) и амбивалентного (3 ЭК) модусов. В соответствии с психолингвистической типологией текстов, предложенной В. П. Беляниным, данный текст-стимул мы рассматриваем как «активный» с условно позитивной эксплицитной семантикой эмотивности.

Таким образом, результаты исследования позволяют выявить информативный портрет языковой личности обучающихся. Кроме того, результаты междисциплинарного анализа художественных текстов из произведений Ф. Достоевского, М. Булгакова, М. Ильфа и Е. Петрова с эксплицитным и имплицитным выражением эмотивной семантики позитивного и негативного оценочного модуса могут найти применение в контексте преподавания различных лингвистических дисциплин, например, в курсе лекций по общему языкознанию, лингвистике текста, при разработке курса семантики и прагматики языковых единиц в аспекте изучения роли интенциональности сознания при восприятии эмотивной вербальной информации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азанова Т. А., Погосова Н. О. Реализация технологии полилингвального обучения иностранным языкам как средство формирования иноязычной коммуникативной компетенции у обучающихся // Обучение иностранным языкам – современные проблемы и решения: сборник материалов I Международной научно-практической конференции имени Е. Н. Солововой / под ред. М. А. Буровой, А. Е. Буровой и др. – Обнинск: Титул, 2020. – С. 24– 27.

2. Азарина Л. Е. Игры на уроках РКИ // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 3. Режим доступа: https://www.twirpx.com/file/1838095/

3. Арапов М. В. Квантитативная лингвистика. – М.: Наука, 1988. – 184 с.

4. Арзамасцева Н. Ю., Рагулина Э. С. Эмоциональный интеллект как средство формирования коммуникативной компетенции у иностранных студентов на занятии по РКИ // Учёные записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 1 (53). – С. 150–156.

5. Арсеньева И., Культепина О. К вопросу об эмотивной лексике в контексте методики и практики РКИ // Slavica Helsingiensia. 2019. – С. 349–358.

6. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. – Свердловск: Издательство Уральского университета,1989. – 184 с.

7. Бабенко Л. Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: учебник. – М.: Флинта: Наука, 2009. 496 с.

8. Бабкина А. Ю. Отражение семантических особенностей наименований чувств и эмоций человека в женской и мужской картинах мира // В. А. Богородицкий: научное наследие и современное языковедение: тр. и матер. Междунар. науч. конф. (Казань, 4–7 мая 2007 г.). Т. 1. – Казань: Казан. гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина, 2007. – С. 210–215.

9. Багдасарова Н. А. Лексическое выражение эмоций контексте разных культур: дис….. канд.филол.наук. – М.: Ин-т языкознания РАН, 2004. – 204 с.

10. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. – М.: Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

11. Бартош Д. К. Эмоциональная культура учителя иностранного языка как компонент профессиональной культуры // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2018. № 2. – С. 5–10.

12. Беляева М. С. Особенности выражения эмоций в языке и тексте // Филологический аспект. 2020. № 11 (67). Режим доступа: https://scipress.ru/philology/articles/osobennosti-vyrazheniya-emotsij-v-yazyke-i-tekste.html

13. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности. – Ташкент: Фан, 1981. – 116 с.

14. Брыксина И. Е. Лингвокультурема как единица содержания билингвального / бикультурного обучения иностранным языкам в высшей школе // Вестник ТГУ. 2009. № 1 (69). – С. 102–110.

15. Булыгина Е. Ю., Трипольская Т. А., Ференц П. Художественные концепты *зависть* и *ревность* в повести Ю. Олеши «Зависть» и ее переводе на польский язык // Русин. 2017. № 2 (48). – С. 52–68.

16. Ван Суян. Эмотивные фразеологические единицы в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина» и их перевод на китайский язык. Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2020. № 1. – С. 52–62.

17. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. Москва: Языки славянских культур. 2011. – 568 с.

18. Воителева Т. М., Цао Ч. К вопросу о теории и практике коммуникативного подхода в обучении русскому языку как иностранному // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. – С.92–99.

19. Выготский Л. С. Мышление и речь. – СПб.: Питер, 2022. – 640 с.

20. Гак В. Г. Функциональная семантика // Оценка экспрессивность, модальность. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1996. – С. 6–26.

21. Галеева Е. В. Психолингвистические основы вербального обозначения эмоций // Историческая и социально-образовательная мысль. 2005. № 4. – С. 126–129.

22. Галеева Е. В., Галкина И. А. Педагогическая технология развития эмотивной лексики и овладения эмоциональными представлениями в дошкольном возрасте // Карельский научный журнал. 2014. № 1 (6). – С. 51–53.

23. Галеева Е. В., Галкина И. А. Психолингвистические аспекты вербализации эмоций посредством эмотивной лексики у детей дошкольного возраста // Балтийский гуманитарный журнал. 2014. № 2 (7). – С. 43–52.

24. Галеева Е. В., Галкина И. А. Психологические и психолингвистические аспекты вербализации эмоций у дошкольников // Карельский научный журнал. 2014. № 1 (6). – С. 53–60.

25. Гвоздев А. И. Современный русский литературный язык. Ч. I. Фонетика и морфология. – М.: Учпедгиз, 1958. – 406 с.

26. Гусейнова Б. Р. Языковая репрезентация эмоции радости с помощью вербальных и невербальных средств (в прозаических произведениях) // Вестник СПбГУ. Язык и литература. 2011. № 2. – С. 97–102.

27. Дмитриева Е. Г. Способы указания на интенсивность эмоционального переживания в житийных текстах синодального периода // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. 2018. № 1. – С. 44–50.

28. Додонов Б. И. Эмоция как ценность. – М.: Политиздат, 1977. – 272 с.

29. Дроздова С. А. Изучение эмотивности в аспекте РКИ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. Научный журнал. 2020. Том 6 (72). № 4. – С. 125–137.

30. Дягель С. Н. Роль средств выражения эмотивно-оценочных отношении в обучении иностранному языку // Лингвокультурное образование в системе вузовской подготовки специалиста. Брест: Брестский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2016. № 1 (9). – С. 192–197.

31. Жукова С. В., Кулинич Е. Н. Анализ эмоционального фона рассказа А. П. Чехова «Ионыч» в процессе преподавания русского языка иностранным студентам // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том 9. № 5. Часть 2. – С. 190–195.

32. Золотова Г. А. Коммуникативные аспекты русского синтаксиса. – М.: Наука, 1982. – 384 с.

33. Зотова А. Б. К вопросу о соотношении категорий «Эмоциональность», «Эмотивность», «Экспрессивность» // Известия ВГПУ. 2010. № 6. – С. 14– 17.

34. Иванова И. Г., Егошина Р. А. Просодические характеристики эмоционально окрашенных фраз в типологически неродственных языках: на материале марийского и французского языков // Финно-угорский мир. 2021. № 1. – С. 16–28.

35. Изард К. Психология эмоций. – СПб.: Питер, 2007. – 464 с.

36. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. – СПб.: Питер, 2001. – 752 с.

37. Инновационные технологии обучения иностранному языку в вузе и школе: реализация современных ФГОС: сборник научных трудов по материалам Четвертой Международной научно-практической конференции (г. Воронеж, 19–20 февраля 2019 г.): в 2 ч. / [отв. ред. М. В. Щербакова]; Воронежский государственный университет. – Воронеж: Издательский дом ВГУ. – 2019. – 624 с.

38. Ионова С. В., Штеба А. А. Смешанные эмоции: к вопросу о лингвистической репрезентации и метаязыке описания // Вопросы психолингвистики. 2019. № 2 (40). – С. 63–81.

39. Ириолова А. Д. Лингвистическая репрезентация эмоций и чувств, связанных с любовью (на материале произведений У. С. Моэма) // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 1. – С. 17–25.

40. Кадыркова Ю. В. Эмотивные побудительные высказывания: план содержания и план выражения // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. Сер. Филология. № 1 (Том 1). – СПб.: Изд-во ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2010. – С. 153–165.

41. Кайгородова И. Н., Крутова И. Н., Новикова Н. О., Новикова И.И. Эмотивные синтаксические идиомы в речевой коммуникации // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2. – С. 58 – 64. – Режим доступа: https://science-education.ru/ru/article/view?id=21229 (дата обращения: 12.04.2024)

42. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.

43. Караулов Ю. Н. Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. – М.: Наука, 1981. – 364 с.

44. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи её изучения // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 3–8.

45. Карпеченкова Ю. Г. Обучение крылатым выражениям русского языка студентов-иностранцев: на материале отечественного кино / Автореферат дис. … канд. пед. наук. – СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2013. – 19 с.

46. Карпова Ю. А. Средства выражения эмотивно-эмпатийного взаимодействия в условиях речевого общения // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. № 4. – С. 73–79.

47. Карпова Ю. А. Фрагменты дискурса как речевые единицы при формировании коммуникативных умений эмотивно-эмпатийного взаимодействия будущего устного переводчика // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 4. – С. 102–113.

48. Карпова Ю. А. Эмотивная сторона общения будущего переводчика. Сибирский педагогический журнал. 2009. № 8. – С. 70–72.

49. Карташева В. Н. Роль эмоций в обучении иностранному языку // Методика преподавания иностранных языков и РКИ: традиции и инновации: сборник научных трудов VIII Международной научно-методической онлайн-конференции, посвященной Году педагога и наставника в России и Году русского языка в странах СНГ (11 апреля 2023 г.) – Курск: Изд-во КГМУ, 2023. – С. 78 – 81.

50. Колосова Е. И., Сафин И. Х. Эмотивные глаголы в аспекте межкультурной коммуникации (на материале русского и польского языков) // Вестник ТГГПУ. 2014. № 4 (38). – С. 121–124.

51. Колпакова Р. В. Лексические средства репрезентации эмоций (гендерный аспект) // Вестник ТГПУ. 2016. № 7 (172). – С. 92–96.

52. Колшанский Г. В. Контекстная семантика. – М.: Наука, 1980. – 49 с.

53. Котик-Фридгут Б. С. Психология обучения иностранным языкам: как учить язык, чтобы выучить: учебное пособие для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 145 с.

54. Красавский Н. А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.

55. Крючкова Н. В. Лингвокультурное варьирование концептов. – Саратов, 2005. – 165 с.

56. Крючкова Т. М. Понятие экспрессивности в современной лингвистике // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2006. № 1. – С. 48–52.

57. Куликова О. В. Эмотивность в дискурсе профессиональной коммуникации: лингводидактический аспект // Мир науки. Педагогика и психология. 2021. № 3. – С. 23–36.

58. Курдюмова Ю. В. К вопросу использования драматизации в обучении иностранному языку в общеобразовательной школе // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 15. – С. 177–181.

59. Лагузова Е. Н. Описательные глагольно-именные обороты с семантикой состояния в русском и французском языках // Семантика лексических и грамматических единиц. – М.: Изд-во МПУ, 1995. – С. 65–73.

60. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М.: Изд-во URSS. 2023. – 256 с.

61. Ларина Т. В. Выражение эмоций в английской и русской коммуникативных культурах // Язык и эмоции: личностные смыслы и доминанты в речевой деятельности: Сб. научных трудов. – Волгоград: Издательство ЦОП «Центр», 2004. – С. 36–46.

62. Ларина Т. В. Эмоциональность и эмотивность в коммуникации // Межкультурная коммуникация и перевод: сб. материалов межвузовской науч. конф. – М., 2002. – С. 134–136.

63. Левина О. А. Репрезентация эмоциональных состояний персонажей в английском художественном тексте: дис. … канд. филол. наук. – М.: Ин-т языкознания РАН, 1999. – 481 с.

64. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Политиздат. 1975. – 304 с.

65. Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. – М.: Смысл. 2003. – 486 с.

66. Литвинчук И. Н. Исследование концептуального пространства «субъекты образовательной деятельности» в ассоциативном эксперименте // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2021. Том 7. № 2 (26). – С. 6–22.

67. Литвинчук И. Н. Когнитивно-коммуникативный подход к преподаванию русского языка как иностранного и эмпатия // Довузовская подготовка иностранных граждан: проблемы и перспективы. Сборник научных материалов. Казань, 2021. – С. 96–98.

68. Литвинчук И. Н. Об особенностях восприятия и интерпретации конструктов эмотивного синтаксиса // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. Вып. XIII. – Москва–Магнитогорск. – С. 511–529.

69. Литвинчук И. Н. Экспериментальный опыт лингвистического интервьюирования для диагностики когнитивных стилей обучающихся иностранному языку // Международная научно-практическая конференция «Русский язык в наше время». – Хошимин (Вьетнам). 2018. – С. 110–115.

70. Литвинчук И. Н. Экспериментальное исследование прагматики эмотивного текста в грамматическом аспекте // Ученые записки Симферопольского государственного университета. 1997. Т. 4(42). – Симферополь. – С. 121–125.

71. Литвинчук И. Н. Эмпатия и культурно-языковая интерференция в рамках когнитивно-коммуникативного подхода к преподаванию иностранного языка // Сборник научных трудов III Научной конференции профессорско-преподавательского состава «Дни науки крымского федерального университета им. В.И. Вернадского», Симферополь, 1–3 ноября 2017 г. – Крымский федерал. ун-т им. В. И. Вернадского, 2018. – С. 191–196. – Рнжим доступа: http://science.cfuv.ru/wp-content/uploads/2018/02/2018_cover.pdf

72. Ломова О. Е. Гендерные особенности выражения эмоций в жанре интернет-дневника // Балтийский гуманитарный журнал. 2020. № 4 (33). – С. 176–183.

73. Лузикова Л. Э. Обучение иностранных учащихся русской интонации как средству реализации речевых интенций (пороговый уровень): автореф. дис. … канд. пед. наук. – М: ГИРЯ им. А. С. Пушкина, 2011. – 23 с.

74. Мадей Е. Д. Драматизация как метод обучения говорению // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения. 2019. Вып. 21. – С. 218–223.

75. Майерс Дж. Социальная психология. – СПб.: Питер, 1997. – 688 с.

76. Марусенко М. А. Атрибуция анонимных и псевдонимных литературных произведений методом распознавания образов. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. – 164 с.

77. Маслечкина С. В. Выражение эмоций в языке и речи // Вестник БГУ. 2015. № 3. – С. 58–62.

78. Малова Н. Е. Эмотивная специфичность концепта «Искусство» в эстетическом пространстве художественного текста // Вестник ТГУ. 2016. Вып. 2 (6). – С. 73–77.

79. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: ФЛИНТА, 2011. – 296 с.

80. Маслова В. А. Некоторые онтологические аспекты эмотивности текста // Язык и эмоции: сб. науч. трудов. – Волгоград: Перемена, 1995. – С. 184-191.

81. Маслова В. А. Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности. – М.: Наука, 1991. – С. 179–204.

82. Маслова В. А. Психолингвистические аспекты восприятия подтекста // Текст в речевой деятельности. – М.: Наука, 1988. – С. 78–83.

83. Мерзлякова Е. В. Особенности семантизации эмотивной лексики в процессе обучения русскому языку как иностранному // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. № 2(27). – С. 73–76.

84. Михайловская В. Н. Эмоциональный компонент лексического значения слова и контекст // Теория и методика преподавания германских языков: сб. науч. тр. – СПб.: Питер, 2002. – С. 42–50.

85. Облепцова Е. В. Метафорическая репрезентация эмоционального концепта passion (на примере натурморфной и зооморфной метафорических моделей) // Вестник ИрГТУ. 2014. № 2 (85). – С. 38–32.

86. Озюменко В. И. Выражение эмоций грамматическими средствами в английском дискурсе // Вестник РУДН, серия «Лингвистика». 2015, № 1. – С. 126–143.

87. Окорокова А. В. Средства выражения экспрессивности при коммуникации в аспекте изучения РКИ // Terra Rusistica: Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов. Псков, 17–19 декабря 2020 года / Сост. Е.В. Ковалых, С.В. Лукьянова, Н.С. Молчанова. – Псков: Псковский государственный университет, 2021. – С. 256–259.

88. Ошанова Е. С. Средства выражения модальности и эмотивности в политической коммуникации в английском, немецком, русском и удмуртском языках // Вестник ЧелГУ. 2020. № 1. – С. 115–123.

89. Пак Е. В. Этимология концепта «гнев» в английском языке // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 96. – С. 215–218.

90. Паршева Л. К. Эмотивная лексика // Вестник Новгородского университета им. Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2009. № 51. – С. 79–92.

91. Пассов Е. И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. – М.: Русский язык, 1989. – 276 с.

92. Пашукова Т. И. Психологические особенности обучения иностранным языкам и применение нестандартных методик преподавателями и студентами-практикантами // Вестник МГЛУ. 2019. № 3. – С. 256–278.

93. Пекарская И. В., Шпомер Е. А. Текст русской художественной классической литературы как способ обучения вербальным и невербальным средствам выражения эмоций на уроках русского языка как иностранного

(на материале рассказа А. П. Чехова «Дачники») // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2023. № 1 (43). – С. 25–34.

94. Пекарская И. В., Шпомер Е. А. Формирование эмотивной компетенции на уроках русского языка как иностранного (на материале рассказа А. П. Чехова «Необходимое предисловие») // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2023. № 4(46). – С. 80–88.

95. Петрова Е. Е. Эмоциональные характеристики фантазийных концептов (на материале английских волшебных сказок) // Извести РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 127. – С. 150–154.

96. Пименова М. В. Душа и дух: особенности концептуализации. – Кемерово: Графика, 2004. – 386 с.

97. Погосова К. О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: автореф. … канд. филол. наук. – Владикавказ: Северо-Осетинский ГУ им. К. Л. Хетагурова 2007. – 21 с.

98. Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ Восток-Запад, 2010. – 314 с.

99. Преподавание русского языка в Крыму: исторический и этнокультурный контекст: коллективная монография. Под редакцией Л. А. Ореховой, Т. А. Аржанцевой. Симферополь: Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, 2022. – 200 с.

100. Приходько Н. А., Разуванова Ю. Г. Языковые средства выражения эмоционального состояния радости (на материале произведений Сомерсета Моэма «Театр» и «Луна и грош») // Lingua mobilis. 2013. № 2 (41). – С. 20– 23.

101. Проблемы преподавания русского языка как иностранного в современном вузе: традиции, новации и перспективы: электронный сборник научных статей: к 75-летнему юбилею кафедры русского языка МГИМО МИД России / составитель и научный редактор М. В. Беляков. Московский

государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации, кафедра русского языка. – Москва: МГИМО-Университет, 2022. – 358 с.

102. Прудникова И. А. Эмоциональность как категория художественного текста (на материале романа М. А. Шолохова «Тихий Дон»): дис. … канд. филол. наук. – Москва, 2011. – 232 с.

103. Рациональное и эмоциональное в русском языке: Международный сборник научных трудов. – М.: МГОУ, 2013. – 608 с.

104. Рахимова А. Э. Лингвистические особенности реализации бинарной оппозиции «freude» (радость) и «trauer» (печаль) в современном немецком художественном дискурсе // Вестник ТГГПУ. 2015. № 1(39). – С. 74–78.

105. Ревенко И. В. Способы репрезентации эмотивности в художественном тексте (на материал повести В. П. Астафьева «Пастух и пастушка») // Вестник КГПУ им. В. П. Астафьева. 2016. № 2 (36). – С. 179–185.

106. Ренц Т. Г. Репрезентация категории эмотивности в эмотивно-прагматических установках участников романтического общения // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. – С. 178–188.

107. Романова И. В. Языковые способы выражения эмоций во французском художественном тексте (на материале романа Амели Нотомб «Катилинарии») // Вестник Кемеровского государственного университета, 2013. № 22. – С. 148–151.

108. Сайфеева К. М. Драматизация как элемент инновационных технологий на занятиях РКИ / К. М. Сайфеева // Язык. Коммуникация. Культура. 2018. Альманах научных статей молодых ученых. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. – С.101–103.

109. Сидорова Е. В. Использование мультимодального текста при изучении эмоциональной речи // Ученые записки ОГУ. Серия: гуманитарные и социальные науки. 2013. № 5. – С. 145–149.

110. Соколова Г. М. Особенности реализации категории эмотивности в текстовом пространстве новеллы // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 101. – С. 188–193.

111. Сорокина Е. В. Особенности перевода реалий художественного текста: дисс. … канд. филол. наук. – М., 2007. – 170 с.

112. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры. – М.: Академический Проект, 2004. – 991 с.

113. Степанов Ю. С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

114. Стрельницкая Е. В. Синтаксические средства выражения эмоционального состояния персонажа и особенности их использования при переводе художественных текстов с английского языка на русский // Известия СПбГУ. 2010. № 3. – С. 161–163.

115. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. – М.: Наука, 1986. – 243 с.

116. Телия В. Н. Русская фразеология: семантико-прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

117. Турбина О. А. Природа эмотивного синтаксиса и его категорий // Вестник ОУрГУ. Серия: Лингвистика. 2013. № 2. – С. 4–9.

118. Урысон Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

119. Усачева О. А. Средства выражения интенсивности эмоций в современном русском языке // Язык и культура. 2016. № 6. – С. 48–52.

120. Филимонова О. Е. Эмоциология текста: анализ репрезентации эмоций в английском тексте: учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007. – 448 с.

121. Фомина А. Г. Средства репрезентации категории эмотивности в тексте // Вопросы науки и образования. 2018. № 11 (23). – С. 51–53.

122. Хакимова Г. К. Коммуникативный подход к обучению и современные технологии в преподавании РКИ // ORIENSS. 2022. № 10. – С. 239–244.

123. Хусяинова Ю. Н. Технология формирования эмотивной компетенции в процессе профессиональной подготовки учителей иностранного языка // Право и практика. 2017. № 2. – С. 275–279.

124. Шамсутдинова А. А. Категория эмотивности в аспекте русского языка как иностранного // XVII Акмуллинские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции. Том II. 2022. – С. 42 – 44.

125. Шатуновский И. Б. Семантика предложения и нереферентные слова. – М.: Наука, 1996. – 257 с.

126. Шаховский В. И. Дискурсивность эмоций в человеческой коммуникации // Известия ВГП. 2011. – С. 115–120.

127. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 204 с.

128. Шаховский В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика, 2018. Т. 22. № 1. С. 54–79. 3.

129. Шаховский В. И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. – 416 с.

130. Шаховский В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике // Вопросы психолингвистики. 2009. № 9. – С. 29–42.

131. Шведова Н. Ю. Русский язык: Избранные работы. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 639 с.

132. Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. – М., 1973. – 274 с.

133. Шрамм А. Н. Очерки по семантике качественных прилагательных (на материале современного русского языка). – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 134 с.

134. Эбзеева Ю. Н., Ленько Г. Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Русистика, 2016. № 1. – С. 142–150.

135. Яблокова Т. Н. Выражение гнева и восторга в современном английском языке: автореф. … дис. канд. филол. наук. – М., 2006. – 23 с.

136. Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония. Материалы международной конференции. – М.: 2020. – 264 с.

137. Яблокова Т. Н. Современные подходы к изучению эмоций в лингвистике (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 6 (60). – С. 180–183.

138. Якищенко Е. А. Лексические средства выражения эмоции возмущения в английском и французском языках (на материале художественной литературы) // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. – С. 21–24.

139. Яковлева И. Н. Особенности перевода эмотивной лексики // Интерактивная наука. 2016. № 2. – С. 127–129.

140. Arvaniti A., Fletcher J. The autosegmental-metrical theory of intonational phonology // The Oxford Handbook of Language Prosody. Oxford: Oxford University Press. 2020. – P. 78–95.

141. Bryant G. A. The evolution of human vocal emotion // Emot. Rev. 2021. № 13. – P. 25–33.

142. Burnham D., Vatikiotis-Bateson E., Barbosa A. V., Menezes J. V., Yehia H. C., Morris R. H., et al. Seeing lexical tone: head and face motion in

production and perception of Cantonese lexical tones // Speech Communication. 2022. № 141. – P. 40–55.

143. Chien P. J., Friederici A. D., Hartwigsen G., Sammler D. Neural correlates of intonation and lexical tone in tonal and non-tonal language speakers // Hum. Brain Mapping. 2020. № 41. – P. 1842–1858.

144. Dachkovsky S., Sandler W. Visual intonation in the prosody of a sign language. Language Speech. 2009. № 52. – P. 287–314.

145. Fikkert P., Liu L., Ota M. The acquisition of word prosody // The Oxford Handbook of Language Prosody. – London: Oxford University Press. 2020. – P. 541–552.

146. Gobl C., Chasaide A. N. The role of voice quality in communicating emotion, mood and attitude. Speech Communication. 2003. № 40. – P. 189–212.

147. Jaap van Brakel. Cross-Cultural Perspective on Emotions in Language Teaching and Learning // Social Perspectives on Emotion. 2003. JAI Press. Vol. II – P. 179–237.

148. Morrell T., Ringwald A. Intonation and emotion: An overview and spectral analysis of speech // Journal of Phonetics. 2016. № 54. – P. 131–144.

149. Richards J. C. Exploring Emotions in Language Teaching. RELC Journal. 2022. № *53* (1). – P. 225–239.

150. Varela F. J., Thompson E., Rosch E. The embodied mind. Cognitive science and human experience. – Cambridge, 1993. – 286 p.

151. Shao K., Pekrun R., Nicholson L. J. Emotions in classroom language learning: What can we learn from achievement emotion research // Pedagogic system. 2019. Vol 86. – P. 251–276.

Научное электронное сетевое издание

И.Н. Литвинчук

ЭМОТИВНОСТЬ И СПОСОБЫ ЕЁ ЭКСПЛИЦИРОВАНИЯ В УЧЕБНО-ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

монография

Подготовка оригинал-макета И.Н. Литвинчук
Подготовка обложки И.Н. Литвинчук
Подписано в издание 16.06.2025

Электронное сетевое издание
PDF (Portable Document Format)
Усл. печ. л. 4,6.

Издательство ООО «Поволжская научная корпорация»,
443082, г. Самара, ул. Тухачевского, 80, оф. 218
Тел.: (917) 812-32-82
E-mail: info@naucorp.ru
URL: naucorp.ru

ISBN 978-5-6053734-6-9